№ 19. 8-го Мая 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА":
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к | Безъ достав и въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора редакціи журнала «Родина» проситъ гг. московскихъ и провинціальныхъ подписчиковъ **при перемѣнѣ адреса** прилагать **старый адресъ**, по которому получался журналъ, и **28 коп.** почтовыми марками въ заказномъ письмѣ, а гг. с.-петербургскихъ подписчиковъ — тоже прилагать свой прежній адресъ и **25 коп.**

НЕПРІЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ. Съ картины **Ф. Зимма.**

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

XXXVII.

НАКОНЕЦЪ, однажды въ палатахъ князя Ягузинскаго произошло маленькое событіе, о которомъ всѣ знали и о которомъ вслухъ никто не говорилъ, а всѣ только перешептывались. Впрочемъ, это было такое событіе, которое на другой-же день должно было быть забытымъ.

Около полудня красивая дѣвушка Фаина прощалась со всѣми дворовыми и страшно плакала.

— Краше въ гробъ кладутъ, — говорили про нее.

Почти всѣ жалѣли дѣвушку, такъ какъ успѣли полюбить ее. Всѣ знали, что она — очередная любимица князя, но ввиду того, что она очень красивая, а равно и обстоятельства, что князь уже становился старъ, дворня думала, что Фаина окажется послѣдней прелестницей и останется въ домѣ надолго. А оказалось, что какая-то степная дѣвка Малашка показалась на княжій глазъ красивѣе Фаины.

— Посмотримъ, какое-то диво диковинное, — недовольно и съ насмѣшкой отзывались многіе.

У подъѣзда, но не главнаго, а бокового, маленькаго, стояли двѣ телѣжки. Въ одной изъ нихъ были три сундука съ пожитками Фаины, а въ другомъ — разныя мелочи, посреди которыхъ уже сидѣлъ Евсѣичъ. Довезти дѣвушку изъ дома князя къ покупателю было его обязанностью.

Фаина долго прощалась со всѣми въ домѣ и почти всѣмъ заявляла, что вскорѣ придется имъ по ней служить панихиду.

— Не выживу я у нѣмца, удавлюсь, — повторяла она сотни разъ.

Дѣвушку проводили всѣ до самаго крыльца, но не вышли во дворъ, боясь, что княгиня однимъ глазкомъ будетъ глядѣть изъ своего окошка, признаетъ тѣхъ, кто провожалъ Фаину, или — избави, Богъ! — сажалъ въ телѣжку, замѣтитъ и тогда тому человѣку житья не будетъ.

Фаина, усѣвшись около Евсѣича, выѣхала со двора, рыдая и оглядываясь на домъ.

На крыльцѣ впереди всѣхъ стоялъ одинъ человѣкъ, который все это утро держался въ сторонѣ отъ Фаины и только разъ въ числѣ прочихъ попрощался съ ней, поцѣловавшись, какъ совсѣмъ постороннее для нея лицо. А, между тѣмъ, онъ былъ настолько блѣденъ, глаза его такъ прыгали, что многіе приглядывались къ нему и удивлялись.

„Ну, — думали, — ужъ не втюрился-ли малый въ Файку и теперь оно отзывается?“

Этотъ молодой малый, который съ трудомъ сдерживалъ себя, чтобы не разревѣться, какъ младенецъ, былъ Миляй.

Черезъ полчаса дѣвушка была уже у своего новаго владѣльца. Евсѣичъ передалъ ее съ рукъ на руки Зонсту, а ея вещи сдалъ прислугѣ и любимицѣ доктора бабѣ Лукерьѣ, и вернулся обратно.

Файка, конечно, не разъ видѣла доктора Зонста и знала, каковъ онъ, поэтому-то она такъ долго и не могла привыкнуть къ мысли, что будетъ принадлежать ему. Какъ ни старъ былъ князь Андрей Григорьевичъ, а все-таки онъ былъ благообразный старикъ, тогда какъ нѣмецъ, хотя и былъ на пятнадцать лѣтъ моложе, а казался Фаинѣ какимъ-то чудищемъ.

„Кикимора“, — звала она его прежде и съ этимъ-же словомъ вступила къ нему въ домъ.

Но на этотъ разъ почему-то нѣмецъ показался дѣвушкѣ еще отвратительнѣе, еще противнѣе, да и все вмѣстѣ казалось ей ужаснымъ сномъ. Послѣ огромныхъ палатъ князя Ягузинскаго, гдѣ у нея были двѣ маленькихъ комнатки, чистыхъ, хорошо обставленныхъ и вокругъ которыхъ было безконечное число комнатъ, корридоровъ и переходовъ, и много всякаго народа, теперь она очутилась въ маленькомъ сѣромъ домикѣ, въ квартирѣ чистой, но скромно обставленной, всего комнатъ въ шесть. И все показалось Файкѣ убогимъ, тоскливымъ, а среди всего торчало чудище, самъ Зонстъ.

Когда Евсѣичъ уѣхалъ, а Зонстъ, не только счастливый, но въ какомъ-то дикомъ восторгѣ, сунулся было ласкать и цѣловать Файку, дѣвушка окрысилась, а потомъ разсвирѣпѣла, какъ настоящій звѣрь. Зонстъ даже удивился, разинулъ ротъ и, сѣвъ предъ ней, сталъ соображать, что будетъ. Такого онъ не только не предполагалъ, такого никогда не видѣлъ, но и не думалъ даже, что такое можетъ быть. Дѣвушка сидѣла предъ нимъ блѣдно-зеленая, со страшно сверкающими глазами, не отвѣчала, а какъ-то рычала, какъ взбѣсившаяся собака, и казалось, что если онъ прикоснется къ ней рукой, то она бросится на него и начнетъ кусаться.

Благоразумный Зонстъ оставилъ ее въ комнатѣ, которая ей предназначалась, и ушелъ.

„Надо дать ей успокоиться, а затѣмъ нѣсколько дней надо дать ей привыкнуть. Понемножку все наладится“, — рѣшилъ онъ мысленно.

Между тѣмъ, пока Файка сидѣла одна въ своей комнатѣ и продолжала плакать, обдумывая на всѣ лады, что съ собой сдѣлать — удавиться-ли, утопиться-ли? — Евсѣичъ, наскоро пообѣдавъ, уже отправился къ дворянину Измайлову.

На этотъ разъ вторая телѣжка была не нужна, такъ какъ у новой избранницы князя никакихъ пожитковъ не было. Измайловъ ради приличія только наканунѣ далъ ей новое ситцевое платье, кое-какъ наскоро сшитое, потомъ далъ красный кумачевый платокъ на голову и призадумался, дать-ли ей сапоги. Вспомнивъ, что когда онъ продавалъ ее, то объ одеждѣ не было сказано ни слова, онъ рѣшилъ, что, стало быть, не стоитъ и деньги тратить.

И въ той-же телѣжкѣ, которая отвезла Файку къ нѣмцу, прибыла съ тѣмъ-же Евсѣичемъ въ княжій домъ новая прелестница Маланья, которую вся дворня, еще не видѣвши ея, презрительно называла Малашка-степная или Малашка-„степуха“.

Когда молоденькая со свѣжимъ лицомъ дѣвушка, недурная собой и даже съ очень красивыми глазами, появилась на маленькомъ крыльцѣ дома, встрѣчаемая сбѣжавшимися дворовыми, то начались смѣхъ, шутки и прибаутки и всѣ равно отнеслись къ пріѣзжей злобно-насмѣшливо. Они будто мстили ей за Файку, хотя отлично понимали, что дѣвушка ни въ чемъ неповинна, тѣмъ паче, что сама она была грустна, испуганно оглядывалась на всѣхъ, какъ если-бы ее привезли не въ домъ, а въ острогъ.

Будучи дѣвушкой крайне ограниченной, Малашка даже не знала, кто ее купилъ, зачѣмъ ее купили и какая будетъ ея должность въ домѣ. У дворянина Измайлова она дѣлала все: и готовила кушанье, и мыла полы, и ходила за курами, и доила корову. Теперь, какъ сказалъ ей баринъ, который ее привезъ, такъ называла она Евсѣича, у нея никакого дѣла не будетъ. Это заявленіе испугало дѣвушку.

„Никакого дѣла не будетъ, — думалось ей. —

Что-же это такое будетъ? Бѣда! Что-же пороть, что-ли, будутъ отъ зари до зари?“

Въѣхавъ во дворъ дома и увидя палаты, она ахнула. Пріѣхавъ изъ степной деревни и никогда не выпускаемая на улицу далѣе воротъ прежнимъ бариномъ, она такихъ домовъ еще не видѣла.

Когда Маланья вступила въ самый домъ, то на каждомъ шагу было что-нибудь, что ее поражало, чего она отъ роду не видѣла. При поворотѣ за уголъ въ какой-то корридоръ она вскрикнула и бросилась къ Евсѣичу, и вскрикнула такъ, что эхо огласило чуть-ли не весь домъ. Случилось нѣчто простое, но для Малашки диковинное и, конечно, страшное: она вдругъ увидѣла около себя что-то невѣроятное, маленькое и красное. Слыхавъ часто, что на свѣтѣ есть чертъ, она мгновенно рѣшила, что именно на него-то она и налетѣла. А чертъ оказался казачкомъ въ красныхъ панталонахъ и въ красной курткѣ.

Вступивъ въ двѣ маленькія комнаты, которыя занимала Файка и которыя должны были теперь принадлежать, ей Малашка, оглядѣвъ ихъ робко, спросила у провожавшаго ее Евсѣича:

— А гдѣ-же барыня? вышла, что-ли?

Малашку, конечно, наиболѣе интересовало, кто и какова ея будущая барыня. Евсѣичъ, почти ни разу не говорившій съ дѣвушкой, ничего ей не объяснившій, сказалъ ей только одно, что онъ купилъ ее и везетъ къ князю.

Малашка не поняла, что это за слово, и повторяла долго и на всѣ лады „князя“. Ей представилось, что „князя“ есть прозвище барыни и она, эта „князя“, по всей видимости, очень старая и злючая. Не можетъ быть „князя“ большая да добрая, по всему вѣроятію, крошечная и страсть какая ехидная.

Малашка ожидала именно увидѣть въ комнатѣ, куда привелъ ее Евсѣичъ, эту самую „князю“. И почему-то ей казалось, что она увидитъ „князю“ въуглу на полу, свернувшуюся клубочкомъ, и такую, къ которой не подходи, цапнетъ.

Когда Евсѣичъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Малашкѣ, что ей вскорѣ принесутъ поѣсть и чтобы она ѣла вдоволь, сколько хочетъ, Малашка осталась одна и стала испуганно подглядывать подъ стулья, подъ диванъ и, перейдя въ другую комнату, осторожно приподняла висѣвшее одѣяло и заглянула подъ кровать. Но, къ ея удивленію, а отчасти и удовольствію, этой злючей „князи“ не оказалось нигдѣ.

XXXVIII.

Однажды около полудня въ домѣ произошло нѣчто, поразившее всѣхъ обитателей. На этотъ разъ было уже настоящее событіе. Узнавъ о случившемся, многіе вѣрить не хотѣли.

Анна Тихоновна Завьялова, справившись, можетъ-ли ее принять княгиня, получила разрѣшеніе явиться. Она воспользовалась отсутствіемъ въ домѣ брата и сына, которые отправились къ обѣднѣ въ храмовой праздникъ сосѣдней церкви, а затѣмъ запоздали, оставшись обѣдать у священника этой церкви.

Явившись къ княгинѣ, на вопросъ ея: „что тебѣ нужно?“, Анна Тихоновна залилась слезами, стала утирать лицо платкомъ и не могла выговорить ни слова.

— Что такое, что случилось?—взволновалась княгиня.

— Страшное дѣло, — выговорила, наконецъ, Анна Тихоновна, сдѣлала два шага впередъ и повалилась въ ноги княгинѣ. — Виновата, матушка. Прощенья не прошу, пускай будетъ, какъ законъ велитъ, а молчать больше не могу.

— Да что, что? — вскрикнула княгиня.

— Колдовала надъ вами, чуть не уморила, теперь безвинныхъ людей таскаютъ въ приказы, сажаютъ, пытаютъ, всякія бѣды и ужасти творятся надъ безвинными, а виноватый-то грѣховно молчитъ. Нельзя этому быть, надо, чтобы виноватый въ отвѣтъ шелъ, кто колдовалъ надъ вами...

— Кто-же такой?

— Я, матушка, я одна!

Княгиня окаменѣла отъ изумленія.

— Что ты! Богъ съ тобой! съума ты сошла!

— Я, я! — отчаянно вскричала Анна Тихоновна.

— Да врешь ты! поклепъ на себя взводишь. Какимъ способомъ могла ты колдовать? зачѣмъ тебѣ было нужно? Что ты рехнулась, что-ли?

— Нѣтъ, Елизавета Петровна, — плакала Завьялова, — вѣрьте, я лгать не стану, я колдовала, а зачѣмъ, говорите — научили лихіе люди. Пришла ко мнѣ невѣдомая старуха, я думала, она—богоугодница, анъ вышло, она — колдунья. Она меня и искусила, дала приворотъ, прозвищемъ любъ-трава. А зачѣмъ? затѣмъ, чтобы вы меня и Никушу моего полюбили пошибче и чтобы онъ навѣрно могъ жениться на Маріаннѣ Павловнѣ. Вотъ все сказала, прикажите меня взять и наказывать.

— Что ты, что ты! въ себя не могу придти. Да какъ-же это такъ? Вѣдь, ты было меня уморила, вѣдь, я, какъ болѣла, помереть могла.

— Знаю, все знаю, матушка! каюсь! спасибо, все сошло благополучно. А вотъ теперь оставить безвинныхъ людей мучиться вмѣсто меня я не могу. Меня Господь накажетъ, да и накажетъ-то въ чемъ, въ томъ, что мнѣ всего дороже на свѣтѣ — приключится что худое съ Никушей. Пускай лучше я пропаду! Какъ я попаду въ отвѣтъ, такъ все прахомъ и разсыпется: и колдовство, и всякое грѣховное, все на меня обернется, а вамъ и Никушѣ будетъ лучше.

— Ахъ, Господи! И князя-то нѣтъ! — вдругъ воскликнула княгиня. — Будь онъ — порѣшилъ-бы дѣло, а я и не знаю, какъ быть. Что-же мнѣ дѣлать?

— Объявите судьямъ, пускай они дѣлаютъ со мной, что хотятъ.

— Да какъ-же такъ, Анна Тихоновна, помилуй? Вѣдь, ты въ сыскъ попадешь, будутъ допрашивать, пытать. Вѣдь, тебя тамъ уморятъ!

— Пускай уморятъ, подѣломъ мнѣ.

— Какъ-же такъ, помилуй! — почти грустно произнесла Елизавета Петровна — и ума не приложу. Вѣдь, я теперь слава Богу, а отъ твоего покаянія правдиваго мнѣ теперь совсѣмъ легко будетъ. Такъ сказываютъ, что коли виноватый человѣкъ, который колдовалъ самъ сознается, то все его колдовство, какъ ты говоришь, прахомъ пойдетъ. Стало быть, все будетъ благополучно, за что-же тебѣ пропадать. Ужъ я не знаю, обождемъ, князь пріѣдетъ.

— Что вы! помилуй Богъ, матушка! Когда еще князь-то пріѣдетъ. Развѣ Питеръ-то рукой подать. А до тѣхъ поръ сколько безвинныхъ намучаются... Нѣтъ, говорю вамъ, выдавайте судьямъ виноватую, и скорѣе.

(Продолженіе будетъ.)

ДОМА и НА ВОЙНѢ.

Разсказъ изъ гимназической жизни

Н. Н. Никитскаго.

I.

БЫЛО уже восемь часовъ, когда Миша проснулся.

Солнце весело смотрѣло въ его уютную комнатку; въ полураскрытое окно врывался запахъ распускавшейся березы и повременамъ доносилось радостное чириканье птичекъ.

Миша лѣниво потянулся и съ ужасомъ подумалъ, что сейчасъ онъ долженъ идти на латинскій экзаменъ. Латынь онъ всегда ненавидѣлъ: въ грамматику заглядывалъ только въ часы письменныхъ работъ, для чего въ партѣ было сдѣлано особое приспособленіе, а съ классиками былъ въ вѣчной ссорѣ. Какъ ужъ онъ ни уговаривалъ себя заняться этой мертвечиной — и аттестацію-де портитъ только одна латынь, и учить-де ее только одинъ годикъ, но это такъ и оставалось на словахъ, на дѣлѣ-же безпощадный латинистъ Андрей Ивановичъ каждую недѣлю аккуратно «ввертывалъ» моему бѣдному герою двоечку. Вообще, Миша Струйскій, надо отдать ему полную справедливость, не питалъ особенной любви и къ другимъ наукамъ, занимался кое-какъ и лишь къ экзаменамъ бралъ себя въ руки и переходилъ въ слѣдующій классъ.

Въ эту минуту мы его застаемъ на порогѣ восьмого класса; письменные греческій и математика — уже сданы, остаются: сегодня — латинскій и завтра — русскій.

И русскаго тоже побаивался Миша.

«Вдругъ, — разсуждалъ онъ, — дадутъ какую-нибудь отвлеченную тему, что тутъ будешь писать? И ужъ двойка, какъ Богъ святъ! А Иванъ Павловичъ всегда что-нибудь отвлеченное выдумаетъ; какъ въ послѣднюю четверть, напримѣръ: «напишите, — говоритъ, — мнѣ о значеніи изобрѣтенія стекла въ культурной жизни народа!». Не угодно-ли? Поневолѣ тутъ сложишь оружіе, потому что разсуждать о такихъ высокихъ матеріяхъ мы не учимся въ гимназіи».

Въ сосѣдней комнатѣ часы пробили восемь.

Миша зѣвнулъ во все горло и поднялся съ постели. Боже, какой у него страдальческій видъ! Голубые глаза подернулись грустной дымкой, курчавые льняные волосы напоминали разтерганный пукъ мочалы, нижняя губа безпомощно свѣсилась внизъ, даже носъ и тотъ какъ-будто опустился долу — точно Миша не на экзаменъ сейчасъ долженъ идти, а на скамью подсудимыхъ.

Одѣваніе и умываніе было совершено поспѣшно, стаканъ чая былъ проглоченъ залпомъ, — и вотъ въ половинѣ девятаго Миша вышелъ изъ дому. Выходя, онъ задумалъ: «если пятый встрѣчный будетъ мужчина — выдержу». И онъ началъ считать встрѣчныхъ.

Пятый оказался мужчина.

«Выдержу!» — пронеслось въ умѣ классика.

Проходя мимо церкви Іоанна Предтечи, Миша снялъ шапку и трижды набожно перекрестился, чего, къ слову сказать, въ другіе дни не дѣлалъ.

Около самой гимназіи онъ встрѣтился съ директорской дочкой, Зоей Павловной Черемхиной, гимназисткой седьмого класса, хорошенькой и веселенькой шестнадцатилѣтней блондиночкой. Онъ издали снялъ фуражку и подошелъ поздороваться.

— Здравствуйте, Зоя Павловна! Съ добрымъ утромъ, — сказалъ Миша, пожимая протянутую ручку.

— Здравствуйте, здравствуйте, — защебетала она. — Вы куда? На экзаменъ, да? У васъ латинскій сегодня? Труситe, поди? А я, знаете, вчера, послѣ того какъ мы съ вами разстались, долго гуляла еще въ саду, познакомилась съ вашимъ товарищемъ... Какъ его? такая смѣшная фамилія... Ахъ, да, Перепетуйко... Какой онъ смѣшной! Вдругъ говоритъ мнѣ: «я люблю греческій носъ и античныя формы». Должно быть, потомъ учителемъ будетъ... А я вамъ, Михаилъ Сергѣевичъ, вчера съ Занковскимъ письмо послала. Вы получили, нѣтъ? Приглашаю васъ на лодкѣ сегодня ѣхать. Поѣдете?

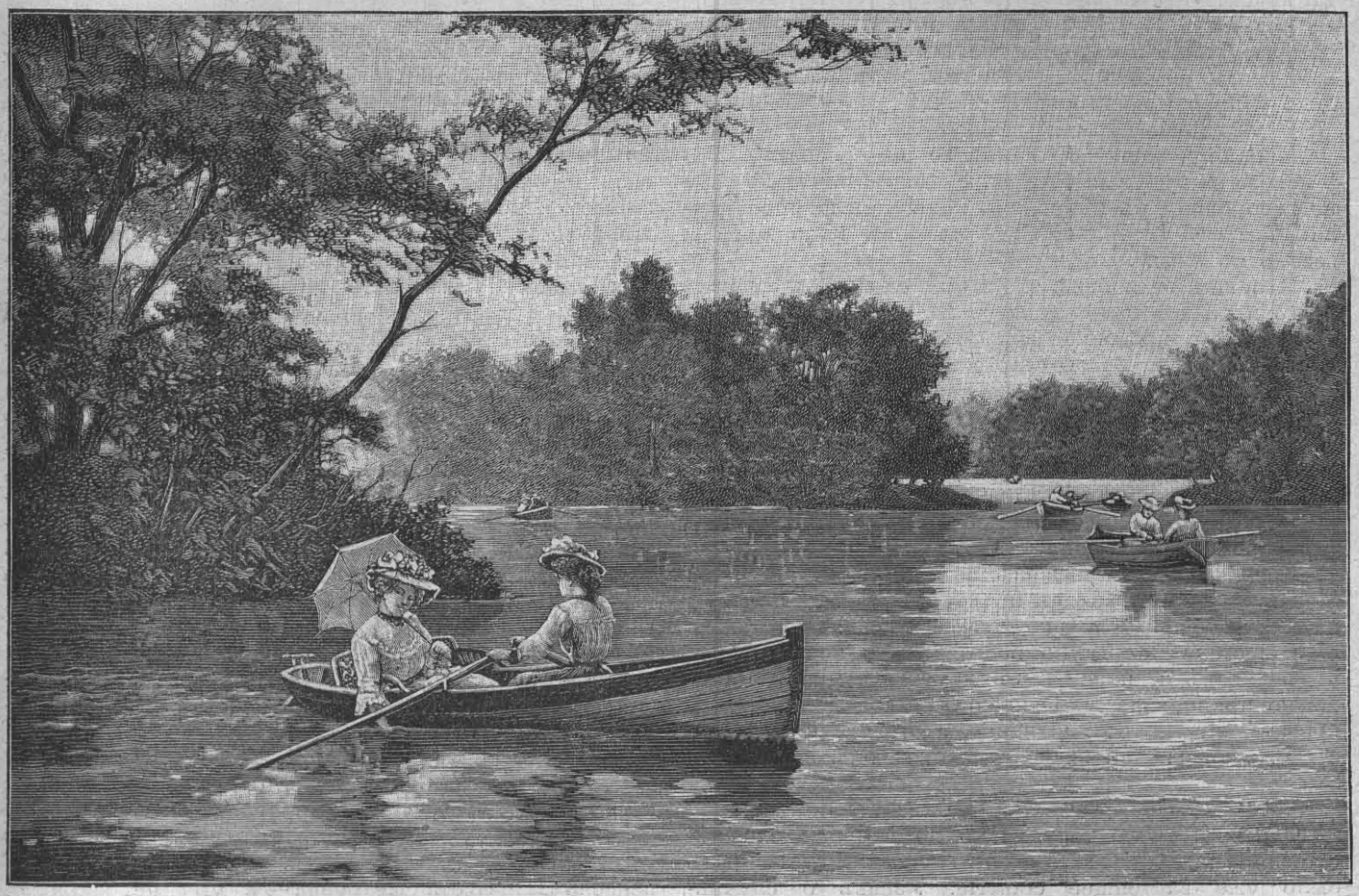
— Да у меня завтра экзаменъ, русскій, письменный, — сказалъ Миша, отказываясь отъ катанья, хотя глаза его и улыбка говорили совсѣмъ противное.

— Ну, вотъ пустяки какіе! — капризнымъ тономъ возразила на это Зоя Павловна. — У меня у самой завтра алгебра, да я и не думаю. Такъ поѣдете? — она вскинула на него свои красивые каріе глаза.

— Н-не знаю, право... Все будетъ зависѣть...

— Чего тутъ зависѣть? Говорите прямо: ѣдете или нѣтъ? Ну?

— Ну, поѣдемте, я согласенъ. Ужъ проваливаться, такъ съ трескомъ! — засмѣялся Миша.



НА ЛОДКѢ. Съ картины **Э. Энфильда** гравир. для «Родины» **Б. Пуцъ.**

— Ну, вотъ и отлично. А пока, до свиданья. И мнѣ, и вамъ надобно спѣшить...

Они пожали другъ другу руки и разошлись.

Всѣ семиклассники ужъ были въ сборѣ, когда Миша вошелъ въ классъ.

— А, здорово, Струйскій!.. Salve, collega *). Bonjour съ гарниромъ, господинъ сердцеѣдъ, — встрѣтили его товарищи.

— Дрожишь, поди? — подходя и хлопая его по плечу, спросилъ Щеколевъ, прозванный въ классѣ «птицей» (носъ его, дѣйствительно, напоминалъ орлиный клювъ).

— А я вчера съ Зоей познакомился, — докладывалъ кому-то въ углу Перепетуйко. — Славная головка, только жаль, что пустая.

— Господа! Сбѣгаемъ покурить — предложилъ Захватовъ, солидный юноша въ пенсне.

— Идемъ! — согласились курильщики и бѣгомъ направились въ сборную, гдѣ обыкновенно курили въ большую печь или въ щель двери физическаго кабинета.

У каѳедры стояла небольшая кучка, къ которой и подошелъ Миша. Первый ученикъ, Тропаринъ, кому-то объяснялъ, когда ставится изъявительное наклоненіе при предлогѣ «когда» и когда сослагательное. Миша съ благоговѣніемъ внималъ рѣчамъ «перваго» и, къ крайнему своему огорченію, сознавалъ, что непремѣнно перевретъ въ работѣ.

Вдругъ раздался топотъ, и въ классъ влетѣла толпа курильщиковъ, многозначительно и таинственно сообщившая, что «ползетъ Андрюша».

Всѣ бросились на свои мѣста и въ классѣ водворилась тишина.

Черезъ минуту вползъ Андрей Ивановичъ, маленькій, согнутый старичекъ, съ продолговатымъ голымъ черепомъ, обтянутымъ кругомъ узкою бахромкою жидкихъ рыжевато-сѣдыхъ волосъ. Войдя въ классъ, онъ посмотрѣлъ черезъ очки на вставшихъ учениковъ, мотнулъ головой и взобрался на каѳедру; потомъ, не торопясь, высморкался, поправилъ постоянно стремящійся кверху галстухъ, сплюнулъ и дребезжащимъ голосомъ сказалъ:

— Работу я вамъ назначилъ легкую, только требующую вниманія и, вотъ именно, знанія идіотизмовъ языка. Вы, вотъ именно, Перепетуйко, потрудитесь пересѣсть на первую парту, а то у васъ работа по-гречески — совершеннѣйшій, вотъ именно, сколокъ съ работы господина Тропарина. Это, вотъ именно, нехорошо.

Перепетуйко скорчилъ кислую мину и полѣзъ черезъ всѣ парты на первую.

— Вы, вотъ именно, Перепетуйко, безъ шалостей не можете. Развѣ между партами нельзя пройти?

— Нельзя, тѣсно, — проворчалъ Перепетуйко, основываясь на новосельѣ.

— А гдѣ, вотъ именно, Струйскій? Я его что-то не вижу, — завертѣлъ головой Андрей Ивановичъ.

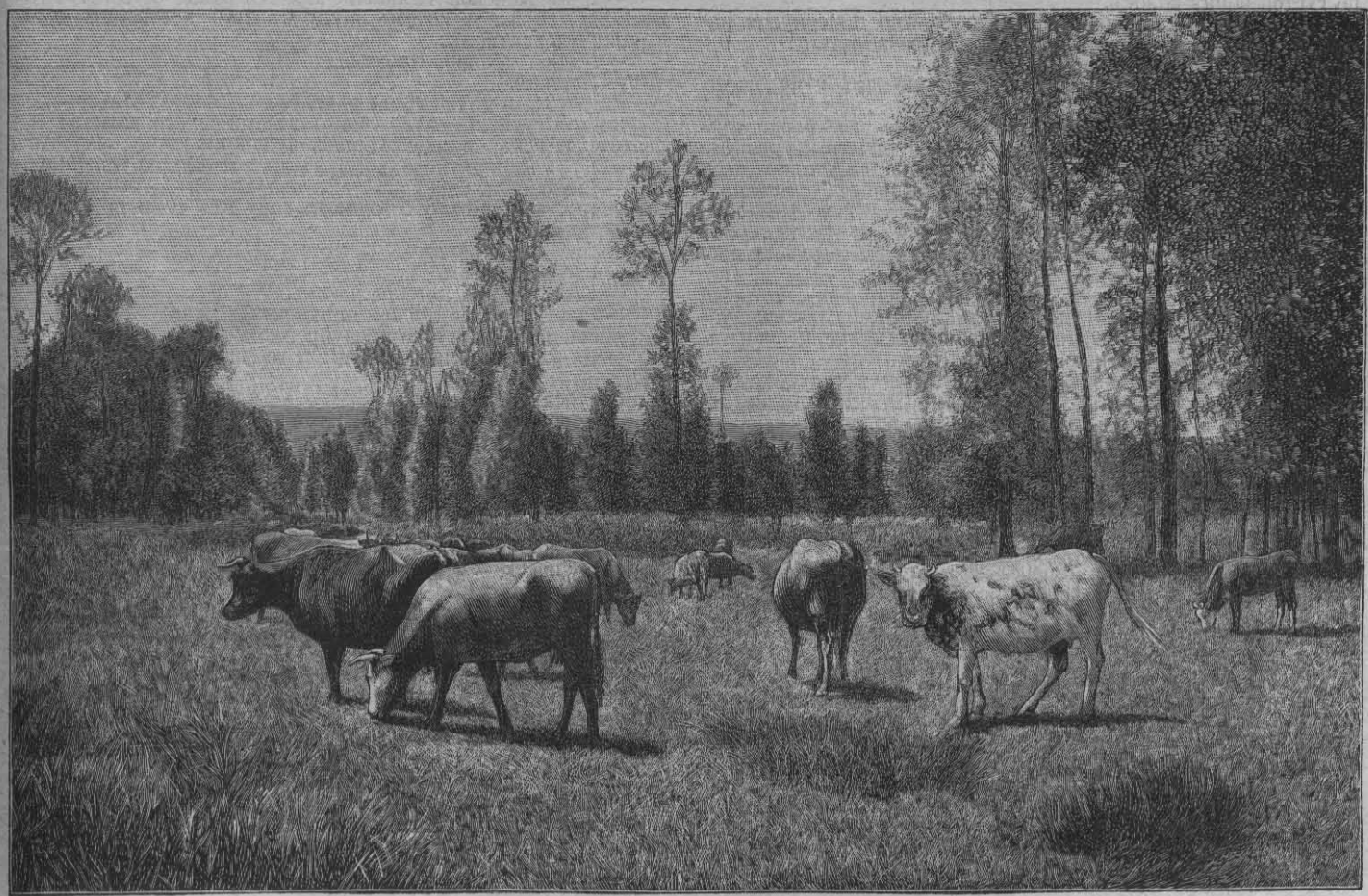
— Я здѣсь, Андрей Ивановичъ! — отозвался Миша съ предпослѣдней скамейки.

— И вы, вотъ именно, пожалуйте къ Перепетуйко. Ему здѣсь одному скучно... Хе-хе-хе!

— Напрасно вы обо мнѣ заботитесь, Андрей Ивановичъ, — возразилъ Перепетуйко. — Теперь, право, некогда думать о весельѣ.

— Вотъ именно, вотъ именно... Пожалуйте, Струйскій!

Миша пересѣлъ, и Андрей Ивановичъ успокоился.



НА ПАСТБИЩѢ. По фотографіи съ натуры.

— Прошу, вотъ именно, записать работу.

Онъ съ важнымъ видомъ началъ диктовать текстъ.

Работа начиналась такъ:

«Galli, postquam pellebantur, in vicos suos diffugerunt *)»...

Когда работа была записана, Миша и Перепетуйко взглянули другъ на друга, но ни у того, ни у другого

«На челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего!..»

Тогда Перепетуйко перевелъ глаза на «Андрюшу» и, видя, что тотъ не смотритъ на него, моментально досталъ маленькій латинско-русскій словарь, изданіе благодѣтеля Іогансона въ Кіевѣ, и началъ въ немъ рыться.

Черезъ пять минутъ въ столѣ откуда-то появился Кюнеръ, который немножко помогъ Перепетуйко, такъ какъ онъ вдругъ заскрипѣлъ перомъ. Миша ожилъ и заглянулъ къ сосѣду, но дребезжащій голосъ Андрея Ивановича остановилъ его намѣреніе «слизать»:

*) Здравствуй, товарищъ.

*) Послѣ того какъ галловъ стали гнать, они разбѣжались по своимъ деревнямъ.

— Берегите, Струйскій, вотъ именно, свои глаза!

Миша приподнялся, что-то пробормоталъ и неслышно опустился. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ въ текстъ, перевелъ глаза на форточку, вспомнилъ ни съ того, ни съ сего Зою Павловну, вчерашнее гуляніе въ саду, разговоры съ ней, предстоящую поѣздку на лодкѣ, взглянулъ на икону и замѣтилъ, что у св. Меѳодія одна рука какъ-будто больше другой, на секунду остановилъ свой взоръ на массивной цѣпи часовъ Андрея Ивановича, спросилъ себя, сколько она стоитъ, и опять впился въ работу.

«Что значитъ эта проклятая форма «pellebantur»?»

А Перепетуйко такъ и строчитъ, такъ и строчитъ.

«Господи! Неужели не удастся списать?»

Миша опять взглянулъ на Андрея Ивановича: тотъ разсматривалъ кончики своихъ штиблетъ. Значитъ, можно взглянуть и къ Перепетуйко. Миша съ жадностью впился въ его строчки и—о, счастье!—Андрей Ивановичъ не замѣтилъ этого.

Переводъ Перепетуйко, очевидно, очень понравился Мишѣ, потому что онъ перенесъ его цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, на свой чистый листъ.

Но вотъ Перепетуйко опять пересталъ водить перомъ по бумагѣ и началъ съ какимъ-то ожесточеніемъ проводить рукою по густой копнѣ волосъ.

Тогда Миша набрался храбрости, быстро повернулся назадъ и прошепталъ сидѣвшему сзади него Захватову:

— Пошли переводъ съ пятой строчки.

Андрей Ивановичъ услыхалъ этотъ шепотъ и подошелъ къ Струйскому:

— Вы, вотъ именно, Струйскій, — началъ онъ, играя ключемъ отъ цѣпочки, — сидите смирно. Сами ничего не дѣлаете и другимъ мѣшаете. Если годъ, вотъ именно, не учились, то и на экзаменъ незачѣмъ ходить. Греческая работа написана у васъ очень скверно; хотя я вамъ и поставилъ три, вотъ именно, съ двумя минусами, но вы тройки, очевидно, не стоите... Такъ нельзя учиться, Струйскій... Извольте продолжать работу и не мѣшать другимъ.

Перепетуйко посмотрѣлъ на Андрея Ивановича, который отошелъ отъ ихъ скамьи, улыбнулся и шепнулъ Струйскому:

— Смотри, какой Стефанъ Яворскій выискался. Не знаешь, какъ перевести «prima luce» *)?

Миша отрицательно покачалъ головой и углубился въ текстъ съ такимъ видомъ, точно предъ нимъ лежалъ не латинскій текстъ, а древне-египетскія письмена.

А Перепетуйко, между тѣмъ, все не унимается.

— Мишка, а Мишка! тебѣ нравится Зоя Павловна? — шепчетъ онъ.

— Оставь меня! — цѣдитъ Миша.

Андрей Ивановичъ, оказывается, смотрѣлъ на эту сцену, и покачиваетъ головой.

— Ахъ, Перепетуйко, Перепетуйко, — вполголоса говоритъ онъ. — Неисправимый вы человѣкъ, Перепетуйко. Что вы все разговариваете, право?

Перепетуйко быстро встаетъ и отчеканиваетъ:

— Позвольте выйти!

Раздается сдержанный смѣхъ.

— Вотъ тебѣ и на! — изумляется Андрей Ивановичъ, сдерживая улыбку. — Я ему, вотъ именно, нотацію читаю, а онъ «позвольте выйти»! Какъ вамъ это нравится?! А позвольте спросить: вы, Перепетуйко, намѣрены писать работу или нѣтъ?

— Какъ-же, Андрей Ивановичъ, конечно, намѣренъ, — серьезно отвѣчаетъ Перепетуйко и тычетъ пальцемъ въ работу.

— А мнѣ кажется, что нѣтъ, — возражаетъ Андрей Ивановичъ. — То вы разговариваете, то собираетесь гулять, — когда-же писать-то будемъ? Вѣдь, ужъ два часа только осталось, а у васъ пять словъ переведено.

— Успѣю, Андрей Ивановичъ... Позвольте выйти!

— Идите, Перепетуйко! — говоритъ Андрей Ивановичъ и строго смотритъ въ его глаза, точно хочетъ въ нихъ прочитать: зачѣмъ пойдетъ Перепетуйко?

А тотъ, вылетѣвъ изъ класса стрѣлой, забился въ уголъ корридора и давай рыться въ Кюнерѣ. Предъ тѣмъ какъ попроситься выйти, онъ вдругъ вспомнилъ, что подобный переводъ гдѣ-то видѣлъ; да и раньше «Андрюша» задавалъ имъ изъ Кюнера — вотъ возьметъ русскій текстъ, переведетъ его на латинскій и дастъ на работу.

Листы грамматики такъ и летали подъ пальцами Перепетуйко. Вдругъ онъ пересталъ перелистывать книгу, жадно впился въ строки; радостная улыбка озарила его пухлыя губы и онъ чуть слышно прошепталъ:

— Эврика.

Потомъ, вырвавъ желанный листокъ, онъ, аккуратно сложивъ его, сунулъ въ карманъ, положилъ книгу за печь въ углу и поспѣшно пошелъ въ классъ.

При входѣ его всѣ головы на секунду поднялись кверху, глаза безразлично посмотрѣли на Перепетуйко и опять уставились въ текстъ работы.

*) Т. е., съ разсвѣтомъ.

Перепетуйко неслышно опустился на скамью и шепнулъ Струйскому:

— Переводъ нашелъ... Списывай, по пятеркѣ получимъ.

Онъ сѣлъ какъ-то бочкомъ на скамейку и, уставившись на Андрея Ивановича, потащилъ листочекъ изъ кармана. Черезъ минуту онъ уже «слизывалъ».

Работа, дѣйствительно, была цѣликомъ изъ Кюнера, такъ что списывать можно было безъ страха, не какъ въ первую четверть, когда Перепетуйко такъ увлекся списываніемъ, что перевелъ даже тѣ фразы, которыя Андрей Ивановичъ и не думалъ задавать.

Струйскій придвинулся немножко ближе къ сосѣду и скосилъ глаза на листъ бумаги, по которому такъ и скользила рука Перепетуйко. Андрей Ивановичъ въ это время былъ занятъ созерцаніемъ чего-то на улицѣ; моментъ для списыванія былъ самый подходящій, и Струйскій съ успѣхомъ воспользовался имъ. Работа пошла горячѣй. Незамѣтно промчалось оставшееся время, и въ двѣнадцать часовъ оба сосѣда подали свои переводы, какъ черновые, такъ и набѣло, и вышли послѣдними изъ класса.

— Ты сейчасъ куда? — спросилъ Перепетуйко Струйскаго.

— Домой, ѣсть хочется... А ты?

— Я къ женской гимназіи. Можетъ быть, Зою встрѣчу... Провожу домой... А потомъ зайду къ тебѣ поговорить о завтрашнемъ экзаменѣ.

— Ладно, заходи... Прощай!

— Прощай!

Они пожали другъ другу руки.

Когда Струйскій спускался съ лѣстницы, его нагналъ Захватовъ и такъ сильно ударилъ рукой по плечу, что тотъ вскрикнулъ и съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на товарища.

— Слушай-ка, Струйскій, — заговорилъ онъ, — скажи своей сестренкѣ, что я ее жду сегодня въ саду отъ семи до восьми. Не забудешь?

— Она не пойдетъ.

— Это почему?

— У нее завтра алгебра.

— Эка важность! Пускай приходитъ, нужно!

— Ладно, я скажу, но предупреждаю: безполезно.

— Да ужъ ты только скажи... Я тебѣ завтра подскажу работу.

Струйскій улыбнулся.

— Воображаю, что ты подскажешь!

— А вотъ увидишь!

— Увидимъ.

— Такъ передай. До свиданья!

II.

Миша домой пришелъ прямо къ завтраку.

— Ну, какъ? — встрѣтилъ его вопросомъ отецъ и пытливо взглянулъ на сына.

— Да ничего, кажется, порядочно написалъ, — отвѣтилъ Миша, усаживаясь за столъ и принимая поданный сестрою стаканъ кофе.

Онъ отхлебнулъ ложечку кофе и сказалъ:

— Страшно трудныя фразы далъ Андрей Ивановичъ. Незнакомыхъ словъ масса.

— Ну, а какъ твой коллега Перепетуйко? — спросилъ отецъ.

— Да ничего... У меня списалъ, — соврал Миша.

Отецъ звонко разсмѣялся.

— Воображаю, какая чудная у него работа получилась! Я думаю, Андрей Ивановичъ вамъ за труды обоимъ-то, Богъ дастъ, и поставитъ тройку. Молъ, дѣлите, какъ хотите.

Миша улыбнулся не то недовольной, не то извинительной улыбкой.

— Вы ужъ скажете, папочка... Ну-ка, Леля, дай еще стаканчикъ... Какъ твой экзаменъ? Какую тему далъ Иванъ Павловичъ?

— Тема-то, Миша, легкая, — отвѣтила она, — да только отвлеченная.

— Ну? какая-же?

— «Своя рубашка ближе къ тѣлу»... Разобрать эту пословицу.

— А, вѣдь, того гляди, и нашъ завтра отвлеченную закатитъ, — задумчиво проговорилъ Миша. — Вотъ будетъ гадость! Ну, а ты какъ справилась, ничего, а?

— Пописала немножко. Черемхина подсказала, а Дьячкова планъ дала, — звонко разсмѣялась Леля.

— Мнѣ стыдно за дѣтей моихъ! — съ паѳосомъ воскликнулъ отецъ и захохоталъ.

Всѣ поддержали его.

Посмѣявшись, онъ всталъ и объявилъ:

— Сейчасъ я ѣду въ усадьбу... Мама пишетъ, что нужно мое присутствіе. Семенъ пріѣхалъ. Прощайте, будьте умницами; я къ ночи вернусь.

Братъ и сестра поцѣловали отца.

Черезъ десять-пятнадцать минутъ отецъ уѣхалъ.

Леля стала прибирать со стола. Миша сѣлъ въ качалку и задымилъ папиросой.

— Да... Леля! Пока не забылъ. Тебя Захватовъ просилъ придти въ садъ около семи или восьми вечера... А я тебѣ не совѣтывалъ-бы.

— Да я и не пойду. Надо заниматься. Да и надоѣлъ онъ мнѣ; всѣ какія-то глупости говоритъ. Воображаетъ къ тому-же о себѣ Богъ знаетъ что!

— Да... И мнѣ онъ тоже не нравится... Ахъ, да... Ты развѣ на лодкѣ не поѣдешь съ нами?

— Ахъ, это Зоя-то звала? Да не знаю, право, Миша; надо-бы задачекъ порѣшать. А ты поѣдешь?

— Думалъ сначала не ѣхать, да Зоя Павловна упросила. Встрѣтилъ ее сегодня утромъ, когда на экзаменъ шелъ.

— Да, да, она мнѣ говорила. Ты знаешь, вѣдь, она въ тебя влюблена! Сейчасъ прощаемся мы съ ней, а она и шепчетъ мнѣ: «поцѣлуй Мишурчика». Она тебя такъ и зоветъ: «Мишурчикъ»... Правда, она очень хорошенькая? А потомъ говоритъ: «достаньте мнѣ, пожалуйста, его карточку». Я обѣщала. У тебя нѣтъ свободной карточки?

— Нѣтъ. Можно сняться.

— Ну, вотъ снимись и дай ей, пожалуйста. А какіе у нея глаза! Я сама ее обожаю. Такая душечка! А Захватову ты завтра скажи, что сестра, молъ, была больна или занималась... однимъ словомъ, какъ тамъ хочешь.

— Я прямо скажу, что ты просишь его оставить тебя въ покоѣ. Зачѣмъ тутъ выдумывать? больна, занималась!..

Наступило молчаніе. Леля гремѣла посудой, Миша покачивался въ качалкѣ, закинувъ голову на спинку.

— Э-эхъ, только сдать-бы завтра русскій... Устныхъ-то я не боюсь,—лѣниво протянулъ Миша и зѣвнулъ.—А тебѣ когда Зоя говорила насчетъ карточки? сегодня, да?

Леля лукаво улыбнулась и посмотрѣла на брата.

— Сегодня. А что?

— Да такъ.

— Нѣтъ, что-нибудь да не такъ,—продолжала она съ той-же улыбкой.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ онъ и пересталъ качаться.

— Что ты кажется, тоже къ ней неравнодушенъ.

— Я?—разсмѣялся онъ.—О, sancta simplicitas *)!

— Ну, я твоей глупой латыни не понимаю, а знаю только одно, что ты интересуешься Черемхиной.

— Ну, хорошо: я интересуюсь Черемхиной! Что-же изъ этого?

— Да ничего особеннаго. Такъ, къ слову сказала.

— Будто такъ?

— Конечно!

— Ай, Лелька, Лелька, какъ нехорошо лгать!

— Я лгу?

— Да, ты.. лжешь... Ты недаромъ заговорила о ней. Ну, вотъ видишь, ты улыбаешься... видишь? Ты хочешь мнѣ что-то сказать и не говоришь... Ну, говори, я слушаю.

— Если-бы ты зналъ, какая она смѣшная!—Леля подошла къ брату и сѣла на ручку качалки.—Дорогой она говоритъ мнѣ: «поцѣлуй за меня тысячу разъ красавчика Мишурчика!». Сама, понимаешь, покраснѣла какъ, ужасъ! «Я,—говоритъ,—безъ него жить не могу».

Миша улыбнулся довольной улыбкой и сказалъ:

— Я и не зналъ, что она—еще такая дѣвочка!

Леля быстро вскочила и топнула ножкой...

— Мишка! Не смѣй оскорблять Зою; и меня тоже не смѣй: мы съ ней однихъ лѣтъ!

— Фу, какъ страшно! Я тебя боюсь, Жанна д'Аркъ изъ седьмого класса. Эхъ, вы, любвеобильныя созданія!—онъ всталъ, потрепалъ сестру по щекѣ и сказалъ:—какъ думаешь, до обѣда заняться слѣдуетъ или нѣтъ?

— Слѣдуетъ, конечно,—неохотно отвѣтила Леля и капризно сложила губки.—А не хочется-же, Господи!

— Терпи, сестра, дипломъ получишь... О-хо-хо! Пойду зубрить Жуковскаго, вѣчная ему память!

— А я задачи дѣлать.

— Вотъ сдѣлай-ка задачку, я тебѣ дамъ. Отъ Петербурга до Москвы—609 верстъ; поѣздъ идетъ въ часъ сорокъ верстъ. На какой верстѣ будетъ крушеніе? Ха-ха-ха!

— Глупый ты, Мишка, и больше ничего!

— А то вотъ еще...

— Ну тебя, убирайся! Пошелъ, пошелъ!

— Подожди, подожди... Скажи мнѣ, пожалуйста, ты знаешь, зачѣмъ барышенъ алгебрѣ учатъ?

— Не знаю... ей-Богу, не знаю! Объясни.

— Чтобы онѣ умѣли находить иксы... то есть, мужей; извлекать изъ ихъ кармановъ деньги на шляпки; умножать народонаселеніе; подставлять... ножку добрымъ знакомымъ и посредствомъ двухъ данныхъ, то есть, мужа и жены, находить третье неизвѣстное, то есть, друга дома, такъ сказать, коэффиціента при супругѣ-съ...

— И думаешь, что остроумно?—смѣясь, спросила Леля.—Ничуть, увѣряю тебя...

— Да ты, вѣдь, Бѣлинскій у насъ, только разница между вами въ томъ, что у того и волосы, и умъ были длинные, а у тебя волосы-то до пятъ, а... руки коротки за уши-то схватить... Прощай, Офелія!

И Миша, громко смѣясь, убѣжалъ въ свою комнату.

III.

Около пристани, гдѣ лодочники за тридцать копеекъ въ часъ отпускаютъ для катанья ялики, толпилась компанія въ человѣкъ семь. Тутъ были Миша и Леля Струйскіе, Зоя Павловна, Перепетуйко, его двѣ сестры, миловидныя брюнетки, и Трофимовъ, гимназистъ шестого класса, двоюродный братъ Зои Павловны, угрюмый и некрасивый юноша лѣтъ шестнадцати. Компанія весело смѣялась надъ тѣмъ, какъ Миша торговался съ лодочникомъ изъ-за трехъ копеекъ: тотъ просилъ за часъ тридцать, Миша давалъ двадцать семь.

— Скинь три копейки, уважь,—полусерьезно, полушутя убѣждалъ мужика Миша.

— Никакъ невозможно, баринъ, потому такція, значитъ... Невозможно...

Къ Мишѣ подбѣжала Зоя Павловна.

— Перестаньте смѣшить, Михаилъ Сергѣевичъ; я, ей-Богу, умру,—сквозь смѣхъ проговорила она и, кокетливо склонивъ головку на-бокъ, прищурила на Мишу глазки.

— Не умирайте, Зоя Павловна, не дѣлайте скандала, прошу васъ,—умоляюще протянулъ Миша и посмотрѣлъ на Зою.

При взглядѣ на нее онъ вспомнилъ свой разговоръ съ сестрой и убѣдился, что все именно такъ и есть, какъ говорила сестра.

— Господа! Уже половина шестого!—сказалъ Трофимовъ,—пора ѣхать.

— Такъ что-же? Ѣдемъ, ѣдемъ!—закричали всѣ и бросились на пристань.

— Я въ весла!—заявила одна изъ сестеръ Перепетуйко.

— А я на руль!—безапелляціонно добавилъ Трофимовъ.

— А я на скамейку,—выкрикнулъ Перепетуйко, бросаясь, какъ угорѣлый, въ лодку.

— Господа! Условіе: грести будемъ попеременно,—заявила Зоя Павловна, усаживаясь между Струйскими.

— У меня мозоли отъ письменныхъ работъ,—сострилъ Перепетуйко и весело разсмѣялся своей остротѣ.—Я отказываюсь.

— Въ такомъ случаѣ, на берегъ не угодно-ли? У насъ не походный лазаретъ,—замѣтилъ Миша.

Зоя одобрительно взглянула на сосѣда и улыбнулась.

— Tace, jace in farnace *)!—отвѣтилъ на это Перепетуйко.

— Ну-съ... Поѣхали,—сказалъ Трофимовъ.—Оттолкни-ка, дядя,—обратился онъ къ лодочнику.

— Отчего-же, можно,—лѣниво отвѣтилъ тотъ и толкнулъ лодку такъ, что она закачалась во всѣ стороны.

Раздалось: «ай, батюшки, тише, потонемъ», затѣмъ пронесся дружный смѣхъ и лодка тронулась.

Погода была чудная; зелень на берегахъ красиво отражалась въ спокойной рѣкѣ. Лодка быстро пошла по теченію. Миновали городъ, пробѣжалъ навстрѣчу водочный заводъ и спрятался за роскошной «Танной рощей».

Всѣ почувствовали себя свободнѣй и веселѣй.

— Давайте что-нибудь споемъ, а?—предложилъ Перепетуйко, всю дорогу не сводившій глазъ съ хорошенькой Зои Павловны.

— Съ тѣмъ условіемъ, если ты пѣть не будешь,—заявила ему одна изъ его сестеръ.

— Это почему?

Сестра пожала плечами и улыбнулась. За нее отвѣтилъ Миша:

— Значитъ, у тебя голосъ хотя и небольшой, но, тѣмъ не менѣе... отвратительный...

Дружный хохотъ пронесся надъ рѣкой. Перепетуйко ничего не нашелся отвѣтить и забарабанилъ ногой по дну лодки.

— Я предлагаю спѣть «Ночи безумныя»,—сказала Зоя и, обратясь къ Мишѣ, спросила:—вы знаете, Михаилъ Сергѣевичъ?

— Вы спросите, чего онъ не знаетъ,—отвѣтила за него Леля и, обратясь къ брату, добавила:—ну, запѣвай, Миша!

(Окончаніе будетъ.)

*) О, святая простота!

*) Лежи на печи и молчи.

1.
3.
4.
5
11.
12a
7.
6.
12b
8

ЛѢТНІЯ КОЛОНІИ ДЛЯ СЛАБОСИЛЬНЫХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩЪ ГОР. С.-ПЕТЕРБУРГА.

1) Типъ дачи колоніи въ селѣ Перечицы. 2) Группа завѣдывающихъ дѣтскими колоніями въ с. Гобжицахъ. 3) Типъ дачи дѣтской колоніи въ с. Гобжицахъ. 4 и 5) Гимнастическія развлеченія для мальчиковъ подъ наблюденіемъ завѣдывающей. 6) Развлеченія для дѣвочекъ въ с. Перечицахъ. Живая картина и «Цвѣты»; головные уборы, работы завѣдывающихъ въ 1-ой колоніи. 7, 8, 9 и 10) Группы дѣтей колоніи въ с. Гобжицахъ. 11) Столовая въ с. Перечицахъ во время обѣда; дежурныя дѣвочки разносятъ пищу. 12а и 12б) Дѣтская колонія въ с. Перечицахъ. У сарая для игръ въ дурную погоду; черезъ ворота сарая видна полянка для игръ въ хорошую погоду. 14, 15 и 16) Изъ жизни завѣдывающихъ дѣтскими колоніями. 17 и 18) Ржаное поле—мѣсто прогулки дѣтей. 19 и 20) Переѣздъ дѣтскихъ колоній и завѣдывающихъ; въ двуколкахъ помѣщается семеро дѣтей. Перевезено около 800 дѣтей.

По фотографіи І. И. Глыбовскаго.

Стансы.

Слышу голосъ я твой сладкій,
Вижу милыя черты
И молюся вновь украдкой
Чарамъ дивной красоты.
Отдаваясь жизни шуму,
Въ тишинѣ тоской томимъ,
Я одну лелѣю думу—
Быть избранникомъ твоимъ.

И, когда твой взглядъ мадонны
Остановится на мнѣ,
Осчастливленный, влюбленный,
Я живу, какъ въ райскомъ снѣ.
Сердце, мысли дремлютъ чутко,
Я не чувствую веригъ...
Мнѣ такъ сладко, мнѣ такъ жутко
Въ тотъ блаженный краткій мигъ!

Евг. Богославскій.

ЗАСЛУЖИЛЪ.

Разсказъ **Твердиславича.**

Долго, томительно долго тянулись часы, въ продолженіе которыхъ казакъ Шинелинъ лежалъ на гребнѣ горы, слѣдя за японскимъ бивакомъ. Онъ, Шинелинъ, былъ одинъ среди безмолвныхъ горъ. Отправившись на развѣдки, онъ отбился отъ своихъ товарищей и теперь съ жутью въ сердцѣ расчитывалъ, какъ ему пробраться сквозь вражескіе отряды, чтобы соединиться со своими.

Далекая ширь открывалась съ горы предъ глазами Шинелина; сзади, на синемъ фона неба, высились сопки, ихъ конусообразныя вышки вырисовывались, какъ минареты мечетей, въ заснувшемъ, тихомъ воздухѣ. Внизу, подъ горой, гдѣ стоялъ японскій бивакъ, зашевелились. Небольшой отрядъ отдѣлился и быстрымъ маршемъ скрылся за одной изъ извилинъ дороги.

«Не въ обходъ-ли меня?»—подумалъ Шинелинъ и, осторожно снявъ съ плеча винтовку и шашку, перевязалъ ихъ вмѣстѣ, чтобы не мѣшали, и тихо поползъ по косогору, скрываясь въ ямахъ и канавахъ.

Сколько времени прошло, пока ползъ Шинелинъ, онъ не зналъ. Но вотъ кончился косогоръ и предъ казакомъ развернулась гладкая площадь. Правда, она была невелика, но открыта со всѣхъ сторонъ. Ее необходимо было перейти, такъ какъ за площадью, какъ могъ разглядѣть Шинелинъ, начинался лѣсъ, гдѣ можно было укрыться.

Шинелинъ зорко оглядѣлся кругомъ изъ-за своего послѣдняго прикрытія—большого камня, затѣмъ всталъ во весь ростъ и быстро побѣжалъ къ виднѣвшемуся лѣску.

— Слава Тебѣ, Господи!—шепталъ Шинелинъ, видя, какъ разстояніе между нимъ и лѣсомъ уменьшается, и, подбодривая себя, побѣжалъ еще скорѣе.

Но вдругъ грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой и пули со свистомъ понеслись мимо головы Шинелина, а тотъ бѣжалъ и бѣжалъ. Вотъ и лѣсъ. Юркнулъ въ него Шинелинъ и замеръ.

Послышался топотъ конскихъ копытъ и Шинелинъ увидѣлъ, что человѣкъ пятнадцать японцевъ несутся къ тому мѣсту, гдѣ онъ спрятался. Чуя опасность, Шинелинъ высмотрѣлъ дерево повыше и погуще и, какъ кошка, взобрался на него. Его сѣрая шинель слилась съ сѣрыми вѣтвями дерева и на высотѣ почти семи саженъ пріютившійся у ствола казакъ казался едва замѣтнымъ комкомъ. Японцы подскакали къ опушкѣ и остановились. Нѣсколько человѣкъ слѣзли съ лошадей и вошли въ лѣсъ, держа въ рукахъ револьверы. Долго они обшаривали ближайшіе кусты, осматривали ямы и камни, но поиски были напрасны: казакъ исчезъ. А тотъ сидѣлъ на деревѣ и ему хотя и было жутко, но въ то-же время было и смѣшно.

«Ищи, ищи!—улыбаясь, думалъ Шинелинъ,—авось найдешь!»—и ему страшно хотѣлось крикнуть японцамъ «дурака», что они, какъ кроты, все на землѣ ищутъ, а не догадаются заглянуть наверхъ. Но осторожность взяла свое и Шинелинъ промолчалъ. Видѣлъ онъ, какъ пѣшіе вернулись къ коннымъ, что-то разсказывали и какъ одинъ изъ японцевъ, должно быть, старшій, сердито кричалъ и махалъ нагайкой. Пѣшіе отказывали и разводили руками.

Наконецъ, отрядъ исчезъ. Шинелинъ слѣзъ съ дерева и побрелъ по лѣсу, не зная, куда.

— Авось,—шепталъ онъ,—Богъ не дастъ пропасть христіанской душѣ.

И Шинелинъ шелъ.

Начинало темнѣть. Лѣсная чаща теперь словно замерла, словно уснула послѣ тревожнаго дня.

Была уже темная, непроглядная ночь, когда Шинелинъ заслышалъ лай собакъ.

«Должно, жилье!—подумалось ему,—а только ночью опасно идти къ нему: вдругъ тамъ японцы. Положимъ, жизни я дешево не отдамъ, а все-же на рожонъ идти не слѣдъ. Переночую, а уже утромъ осмотрюсь, тамъ видно будетъ... Переночую,—снова подумалъ Шинелинъ,—а гдѣ? Э, да на деревѣ!»

Выбравъ потолще дерево, Шинелинъ взобрался на него, нашелъ въ темнотѣ сукъ покрѣпче и, усѣвшись на немъ, задумался.

Вспомнились ему его родная деревня, золотистыя поля, зеленые луга, быстрая-быстрая рѣчка, хата его, закрытая стройными тополями, а вотъ и Настасья вышла на крыльцо, зоветъ его.

— Иду!—крикнулъ Шинелинъ и инстинктивно ухватился за сукъ: онъ незамѣтно для самого себя уснулъ и чуть-чуть не свалился съ дерева.

«Нѣтъ, такъ не ладно!—промелькнуло въ головѣ Шинелина,—эдакъ, пожалуй, и съ дерева кувырнешься да ребра переломаешь,—и онъ ремнемъ привязалъ свои ноги къ суку.—Такъ-то безопаснѣе!»

Снова поплыли въ головѣ Шинелина картины далекой родины, но теперь онъ спалъ, хотя и тревожно, но спокойно. Вставшее солнышко пригрѣло его и онъ проснулся. Въ лѣсу щебетали птицы, точно радуясь вновь наступившему дню. Шинелинъ спустился съ дерева. Всѣ члены его ныли отъ неудобнаго положенія на деревѣ. Казаку, однако, было не до того. Кое-какъ размявъ ноги и руки, онъ, не торопясь, направился въ ту сторону, откуда вечеромъ доносился собачій лай.

Прошло порядочно времени, пока предъ глазами Шинелина появились пріютившіяся около скалы фанзы китайской деревни. Осмотрѣвшись и видя, что въ деревнѣ только мирные китайцы, Шинелинъ храбро направился къ первой фанзѣ. Но только что онъ къ ней подошелъ, какъ оттуда выскочили человѣкъ десять китайцевъ.

— Казакъ, казакъ!—кричали они, окружая Шинелина, и, видя, что онъ одинъ, начали бросать въ него камнями, прыгать вокругъ него и свистать.

Шинелинъ уже взялся было за винтовку, и Богъ знаетъ, чѣмъ-бы все это кончилось, тѣмъ болѣе, что изъ другихъ фанзъ бѣжали новые китайцы и съ крикомъ окружали казака, но въ это время со двора фанзы вышелъ сѣдой китаецъ и что-то крикнулъ на своемъ гортанномъ нарѣчіи. Всѣ замолчали.

— Русь хорошъ... Русь добра... Граби не,—говорилъ старикъ на плохомъ русскомъ языкѣ и дружески трепалъ Шинелина по плечу.—Добра русь, добра. Иди.

Старикъ махнулъ рукой. Шинелинъ былъ радъ, что выбрался такъ благополучно изъ деревни, и бодро зашагалъ впередъ. Не успѣлъ онъ отойти и полуверсты, какъ услышалъ за собой топотъ ногъ. Онъ оглянулся. Двое китайцевъ бѣжали къ нему, махая руками и показывая, чтобы онъ остановился.

«Чего еще надо имъ?—подумалъ казакъ.—А, впрочемъ, все равно».

Шинелинъ остановился. Китайцы подбѣжали и начали совать ему въ руки лепешки изъ чумизы.

— Дѣдъ каза, русь добра... ѣшь.

— Спасибо!

— Ѣшь. Русь хорошъ, не грабя,—и китайцы опять бѣгомъ пустились обратно къ деревнѣ.

Шинелинъ былъ радъ столь неожиданной добычѣ и слалъ горячее спасибо доброму дѣду-китайцу.

Цѣлый день шелъ Шинелинъ, никого не встрѣчая и самъ не зная, куда идетъ. Только къ вечеру онъ встрѣтилъ китайца, мирно сидящаго около дороги и точно сторожащаго какой-то узелъ, лежавшій съ нимъ рядомъ.

— Здравствуй, Чинъ-Чинъ!—произнесъ Шинелинъ, не зная, какъ назвать китайца.

Тотъ широко улыбнулся и замоталъ головой.

— Русь?—проговорилъ китаецъ.

— Во, во!—обрадовался Шинелинъ, что его поняли.—Скажи, братецъ, какъ-бы мнѣ пробраться къ своимъ?—спросилъ казакъ, добавляя слова жестами.

— Своя?

— Да, да!

— О, японъ много, много японъ,—говорилъ китаецъ.

— Наплевать мнѣ на нихъ, проведи ты меня.

— О, о! Только...

Китаецъ живо развязалъ узелъ и досталъ оттуда широкую китайскую куртку и широкополую соломенную шляпу.

— Во-во!—бормоталъ онъ, торопливо надѣвая и то, и другое на Шинелина.

— Это, братъ, ты хорошо придумалъ,—улыбаясь, говорилъ казакъ,—такъ-то оно способнѣе мимо японцевъ пройти.

И они двинулись въ путь.

Только къ вечеру слѣдующаго дня дошелъ Шинелинъ до аванпостовъ русскихъ войскъ.

— Своя!—произнесъ китаецъ.

— Спасибо, другъ. Вотъ тебѣ!—Шинелинъ досталъ кисетъ и въ немъ отыскалъ единственный гривенникъ,—возьми.

— Ни, ни!—замахалъ руками китаецъ.

— Больше, братъ, нѣтъ, послѣдній.

— Ни, ни! Богъ! — китаецъ указалъ на небо и перекрестился.

— Да ты крещеный?

— О, о!

— Ну, такъ дай я тебя поцѣлую!—и бравый казакъ заключилъ въ свои объятія катайца. — Спасибо, милъ человѣкъ, спасибо!

Шинелинъ снялъ съ себя кофту и шляпу, которыя китаецъ спряталъ въ узелъ, и зашагалъ обратно по дорогѣ.

Усталый Шинелинъ кое-какъ добрелъ до своей сотни, гдѣ его встрѣтили радостными криками.

— А мы думали, ты пропалъ! — кричали казаки-товарищи, — а онъ на, поди, живехонекъ, только поистрепался малость. Ну, да это ничего! Аммуниція у насъ есть! Живо переодѣнемъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? Какъ добрался?

Шинелина окружили и наперерывъ задавали ему вопросы.

На шумъ вышелъ изъ своей палатки генералъ.

— Что случилось, молодцы?—спросилъ онъ.

— Да вотъ, ваше превосходительство,—послышались голоса,—Шинелинъ вернулся.

— Молодецъ! Гдѣ-жъ ты пропадалъ?

Шинелинъ разсказалъ свои злоключенія.

— Ну, что-же, казачекъ, помаялся?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

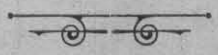
— Ну, слушай, казакъ, мнѣ не жалко дать тебѣ десять рублей, а мнѣ жалко твою казачью доблесть оцѣнивать на деньги. Начальство пусть тебя представитъ къ Георгію, а я хочу чѣмъ-нибудь наградить тебя за то, что ты, добрый казакъ, въ трудную минуту не потерялся, бивакъ японскій высмотрѣлъ, ружья и шашки своихъ не бросилъ. Ты—рядовой, казакъ?

— Такъ точно!

— Ну, поздравляю тебя приказнымъ. Прикажите нашить ему немедленно нашивку,—распорядился генералъ съ доброй улыбкой.—Молодецъ! Заслужилъ!

Радости Шинелина не было конца, а вмѣстѣ съ Шинелинымъ его радостью радовалась и сотня, въ которой онъ числился.

КОНЕЦЪ.



Возвращеніе.

Снова предо мною сосны вѣковыя,
Бѣдная природа, нивы золотыя,
Рожь, овесъ, у въѣзда въ села коноплянникъ—
Вновь къ вамъ возвратился одинокимъ странникъ.

Ничего чужбина не дала поэту,
Даромъ проскитался бѣдный лишь по свѣту
И теперь въ отчизну вновь я возвращаюсь,
Сѣверной природой снова вдохновляюсь.

Вѣтерокъ въ оврагѣ мнѣ журчитъ: «здорово»,
Нива золотая шепчетъ то-же слово,
Сосны вѣковыя головой качаютъ
И былыя грезы мнѣ напоминаютъ,
Когда, въ жизнь вступая, расправлялъ я крылья
И еще не вѣрилъ такъ въ свое безсилье,
А теперь...
Здорово, сосны вѣковыя,
Вы мнѣ возвратите силы молодыя!

М. Карауловъ.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

Среди окружающихъ ее женщинъ большимъ довѣріемъ Ухиной пользовалась Сусанна Андреевна, экономка, жившая въ ея домѣ около четверти вѣка. Ей она вѣрила не меньше, чѣмъ Елисѣю Ивановичу, и въ то время, какъ послѣдній завѣдывалъ всѣми дѣлами фирмы, Сусанна вела все хозяйство; за собою въ этомъ случаѣ Анфиса Матвѣевна сохранила только право наблюденія. Ежедневно вечеромъ экономка являлась къ хозяйкѣ и обѣ женщины уславливались о меню завтрашняго обѣда, причемъ все вниманіе ихъ было обращено на любимыя блюда молодого князя. Съ отъѣздомъ Арсенія за границу обѣденныя совѣщанія стали короче, такъ какъ старая купчиха не была прихотлива въ столѣ.

Единственнымъ утѣшеніемъ Ухиной въ настоящее время были письма отъ внука, которыя послѣдній ежедневно систематически посылалъ бабушкѣ, описывая ей до мельчайшихъ подробностей, какъ онъ проводитъ свое время.

Анфиса Матвѣевна не прибѣгала къ помощи очковъ: глаза ея видѣли очень хорошо и мелкій, но четкій почеркъ Арсенія она разбирала превосходно.

Письма, хотя и частыя, все-таки не могли замѣнить Ухиной отсутствовавшаго внука, и очень часто старуха приходила въ его комнаты, садилась около письменнаго стола князя, мысленно представляя послѣдняго сидящимъ на своемъ мѣстѣ. Въ эти минуты ей становилось невыносимо тяжело на сердцѣ: вспоминалась несвоевременно рано умершая дочь, мысли все больше и больше становились печальнѣе, и старуха тихо плакала.

Въ такомъ настроеніи засталъ ее какъ-то въ комнатѣ внука камердинеръ послѣдняго, Максимъ, оставленный княземъ Арсеніемъ въ Петербургѣ. Замѣтивъ не во-время вошедшаго Максима, Анфиса отерла слезы и молча прошла мимо него на свою половину.

— Скучаетъ страшно по баринѣ, — разсказывалъ Максимъ своему другу швейцару Кузьмѣ,—плачетъ, слезы такъ и бѣгутъ ручьемъ.

Дошли-ли эти слова до Ухиной, или-же она сама немного успокоилась, но никто изъ прислуги больше никогда не видѣлъ ея въ комнатахъ молодого князя. Она вся ушла въ дѣла своей фирмы „Иванъ Ухинъ и сынъ“ и цѣлыми днями просиживала за письменнымъ столомъ за работой.

Гостомыжскій скоро очутился въ Берлинѣ, и хотя столица прусскаго королевства не интересовала его, тѣмъ не менѣе, Арсеній рѣшилъ остаться день-другой для бѣглаго знакомства съ нею.

Покинувъ поѣздъ на станціи Фридрихштрассе, князь велѣлъ носильщику отнести вещи въ близ-

Сканировал reduktorer rutracker.org

лежащій Кобургъ-отель и, переодѣвшись, отправился осматривать городъ.

Было еще довольно рано, когда онъ попалъ на Фридрихштрассе и по ней выбрался на Unter den Linden *). Длинная лента дефилирующаго вдоль улицы пѣшаго полка пріостановила уличное движеніе и на вопросъ, обращенный Арсеніемъ къ одному изъ безчисленныхъ зѣвакъ, идущихъ за хоромъ трубачей, послѣдній отвѣтилъ:

— Это—утренняя прогулка.

Когда шумный кортежъ войска и привлеченная ея музыкою толпа удалились, князь Арсеній продолжалъ осмотръ города, изумляясь его воинственной обстановкѣ. Берлинъ ему не понравился, и онъ, дождавшись вечерняго поѣзда, отправился дальше.

На другое утро, часовъ въ одиннадцать, онъ достигъ желаннаго Льежа. Дѣятельная маленькая Бельгія сразу сказалась, лишь только онъ переѣхалъ германскую границу. Желѣзнодорожный путь лежалъ между непрерывными рядами фабрикъ и заводовъ, преимущественно выдѣлывающихъ желѣзо. Угольныя шахты встрѣчались также во множествѣ. Трудолюбивая нація, образовавшаяся изъ смѣси валлонцевъ съ фламандцами, энергично эксплуатировала богатыя нѣдра земли. Поѣздъ быстро вкатился въ просторный вокзалъ Льежа и сразу остановился.

Арсеній, оставивъ свои вещи на вокзалѣ въ бюро, отправился въ городъ съ цѣлью найти себѣ помѣщеніе.

— У насъ есть двѣ свободныя комнаты,—привѣтливо встрѣтила его пожилая женщина въ одномъ изъ домовъ на улицѣ Вертбуа, гдѣ, какъ сообщили князю, проживало не мало русскихъ студентовъ, — не угодно-ли взглянуть? — и хозяйка повела прибывшаго во второй этажъ по узенькой деревянной лѣстницѣ, неизмѣнной во всѣхъ бельгійскихъ домахъ.

Обѣ комнаты выходили на югъ и глядѣли очень весело; князю онѣ понравились, и онъ сейчасъ-же ихъ нанялъ.

Мадемуазель Анжелика — такъ звали хозяйку— была пожилая дѣвушка и владѣла этимъ домомъ вмѣстѣ съ двумя братьями.

— Вамъ будетъ здѣсь вполнѣ спокойно, — прибавила хозяйка, — улица не шумная, да и весь нашъ городъ не отличается большою оживленностью.

Она была права. Арсеній, проходя по улицамъ, могъ убѣдиться, что жизнь Льежа вся сосредоточивалась лишь въ многочисленныхъ заводахъ на окраинахъ города и въ коммерческихъ конторахъ и банкахъ въ немъ самомъ.

Вмѣстѣ съ помѣщеніемъ князь уговорился со своими новыми хозяевами и о столѣ.

За обѣденнымъ табль-д'отомъ сосѣдями князя Арсенія оказалось не мало студентовъ изъ того-же института Монте-Фіорэ, куда онъ намѣревался поступить. Преимущественно это были итальянцы и поляки. Арсеній быстро познакомился съ ними.

— Очень жаль, что вы раньше не пріѣхали,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ, полный брюнетъ Хризавоцкій: — занятія второго семестра уже приходятъ къ концу, черезъ недѣли двѣ-три начнутся устныя интеррогаціи **) и составленіе проэктовъ.

Князь съ сожалѣніемъ выслушалъ это замѣчаніе.

— А когда-же начинается новый курсъ? — спросилъ онъ студента.

— Не ранѣе перваго октября. До августа продолжатся интеррогаціи, затѣмъ двухмѣсячныя вакаціи и только тогда снова примемся за науку.

Гостомыжскому приходилось около полугода оставаться празднымъ; подобная перспектива ему не улыбалась.

— Однако, мнѣ не скоро придется начать свои занятія! — проговорилъ онъ, разочарованный необходимостью ждать такъ долго.

— Въ теченіе этого времени вы познакомитесь со страною, съ ея нравами и обычаями, — любезно замѣтилъ итальянецъ Диньо. — Отсюда недалекъ Брюссель, да и Парижъ находится на разстояніи семивосьми часовъ, скучать не придется.

— Итакъ, вы думаете, безполезно стучаться въ двери вашего института въ настоящее время?

— Попытайтесь, переговорите, но я сомнѣваюсь, — пожимая плечами, проговорилъ полякъ.

Обѣдъ не пришелся по вкусу избалованному бабушкинымъ столомъ князю; кисловатое мѣстное пиво, въ большомъ количествѣ истребляемое обѣдающими, показалось ему какимъ-то отвратительнымъ рвотнымъ.

Послѣ обѣда князь немедленно отправился вмѣстѣ со студентами въ институтъ; идти не нужно было далеко, зданіе Монте-Фіорэ находилось въ одной изъ сосѣднихъ улицъ.

— Къ сожалѣнію, мы должны вамъ отказать въ настоящее время въ пріемѣ,—любезно сказалъ Арсенію пожилой, съ коротко подстриженной бородой директоръ института,—но въ сентябрѣ милости просимъ пожаловать.

Опечаленный молодой человѣкъ вернулся въ снятую имъ квартиру и разсказалъ о своей неудачѣ одному изъ братьевъ Анжелики, совладѣльцу дома, служившему въ одномъ изъ магазиновъ кассиромъ.

— Да, это очень непріятно, — пробормоталъ послѣдній, сухой, какъ щепка, очень высокаго роста, Жакъ Фукье, соображая, что новый выгодный постоялецъ останется жить у нихъ недолго.

— Но я надѣюсь, что осенью вы — опять нашъ жилецъ?—вкрадчиво спросилъ Жакъ.—Вы, вѣдь, довольны столомъ?

— Несомнѣнно, я остановлюсь въ вашемъ домѣ, — поспѣшилъ отвѣтить Гостомыжскій, хотя воспоминаніе о пивѣ, поданномъ за обѣдомъ, заставляло его думать совсѣмъ иное.

Оставаться въ Льежѣ въ настоящее время не представлялось для Арсенія интереснымъ, а потому, осмотрѣвъ тихій, но очень промышленный городъ, молодой человѣкъ отправился въ Брюссель.

IV.

Съ бельгійской столицей князь Гостомыжскій быстро освоился и она понравилась ему своими порядкомъ и чистотою. Въ отелѣ Манжель на rue Royale *), гдѣ онъ поселился, вѣяло немного англійскою чопорностью, благодаря англичанамъ и американцамъ, избравшимъ его своимъ мѣстопребываніемъ въ Брюсселѣ, но чистота и отсутствіе суеты, присущей вообще всѣмъ гостиницамъ, понравились Арсенію. Корректно одѣтый управляющій каждое утро стучался въ его комнату и, войдя, послѣ обычнаго „entrez **)“, и изысканно поклонившись, спрашивалъ:

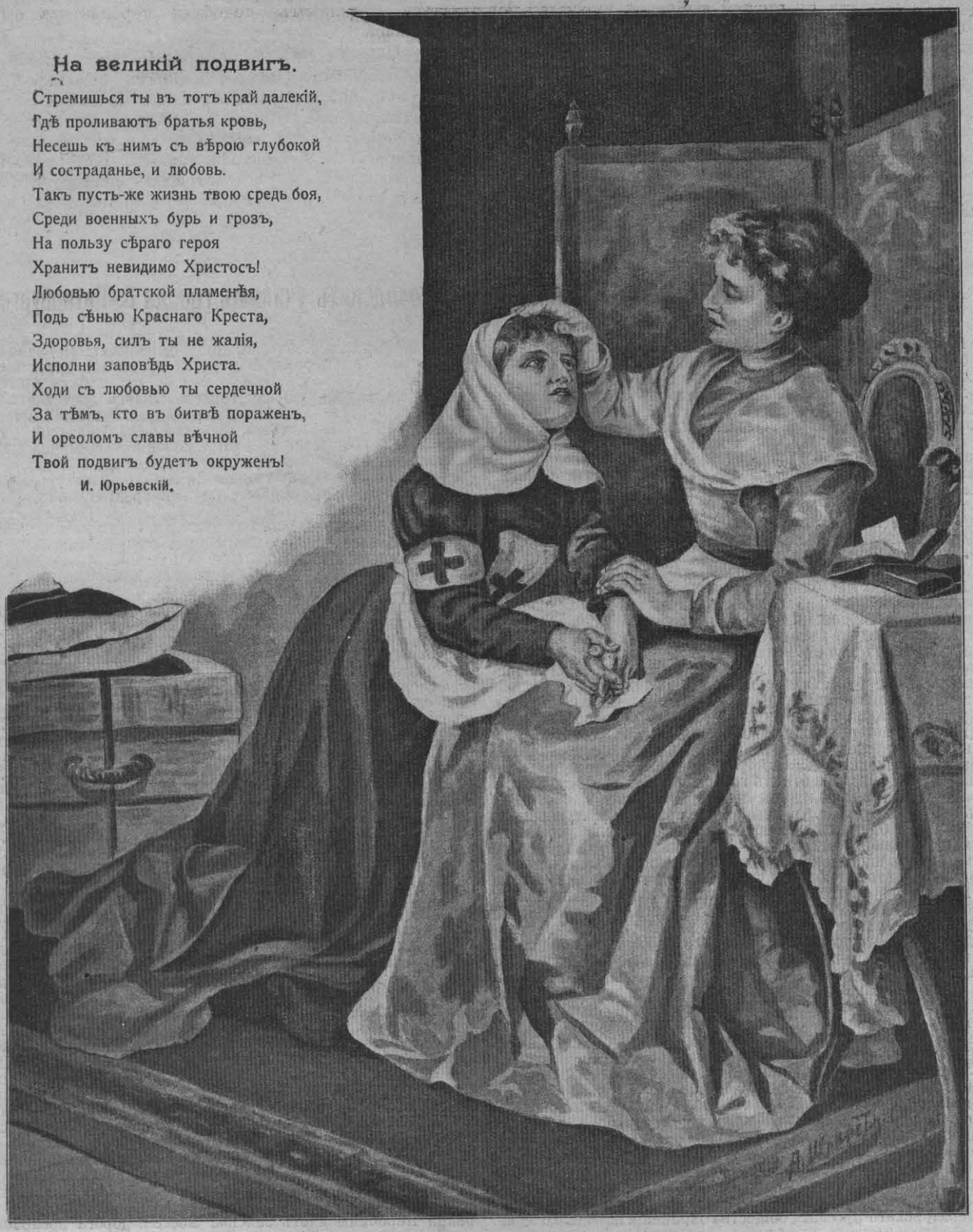
— Что пожелаетъ князь имѣть къ обѣду? — и затѣмъ Гостомыжскаго цѣлый день никто не безпокоилъ.

*) «Унтеръ денъ линденъ» — «Подъ липами» — великолѣпная, прямая, широкая улица въ Берлинѣ, обсаженная вѣковыми липами; одна изъ главныхъ улицъ.

**) Нѣчто въ родѣ испытаній.

*) Королевская улица.

**) Войдите!



На великій подвигъ.

Стремишься ты въ тотъ край далекій,
Гдѣ проливаютъ братья кровь,
Несешь къ нимъ съ вѣрою глубокой
И состраданье, и любовь.
Такъ пусть-же жизнь твою средь боя,
Среди военныхъ бурь и грозъ,
На пользу сѣраго героя
Хранитъ невидимо Христосъ!
Любовью братской пламенѣя,
Подъ сѣнью Краснаго Креста,
Здоровья, силъ ты не жалія,
Исполни заповѣдь Христа.
Ходи съ любовью ты сердечной
За тѣмъ, кто въ битвѣ пораженъ,
И ореоломъ славы вѣчной
Твой подвигъ будетъ окруженъ!

И. Юрьевскій.

НА ВЕЛИКІЙ ПОДВИГЪ. Оригин. рис. **А. Шлипера (сына).**

Арсеній совершалъ ежедневно большія прогулки, знакомясь съ городомъ,—посѣщалъ старинныя церкви, постройки, которыхъ не мало въ Брюсселѣ, по часамъ любовался чудными произведеніями Рубенса въ королевскомъ музеѣ и каждый вечеръ ходилъ въ театры. Спокойствіе и солидность брюссельской жизни были ему по душѣ, онъ замѣчалъ и изумлялся этой работѣ, этому неустанному, но не кричащему труду, результаты котораго такъ ярко говорятъ о себѣ въ каждой мелочи бельгійской жизни.

Чтобы ближе, лучше ознакомиться съ энергіей націи, Гостомыжскій посѣтилъ массу заводовъ, фабрикъ, промышленныхъ предпріятій и вездѣ онъ могъ наблюдать одно и то-же—трудъ, имѣющій въ основѣ благоденствіе страны и народное богатство. Это можно было замѣтить и въ глубокихъ угольныхъ шахтахъ, гдѣ каждый изъ испачканныхъ въ углѣ рудокоповъ сознавалъ важность своей работы, какъ одной изъ мелкихъ единицъ, соединеніе труда которыхъ необходимо для преуспѣванія промышленности страны, и на стеклянныхъ заводахъ предъ пышущей невыносимымъ жаромъ печью, и за станкомъ ткача на суконной фабрикѣ, и въ мужественныхъ чертахъ лица гиганта-коваля, цѣлый день поднимающаго свой тяжелый молотъ. Все это вполнѣ осмысленно стремится употребить свой трудъ, свою работу для успѣха дальнѣйшаго процвѣтанія страны.

(Продолженіе будетъ.)

Лѣтнія колоніи для слабосильныхъ воспитанниковъ городскихъ училищъ города С.-Петербурга.

Очеркъ съ 21 рис. на стр. 591—593.

Кто хотя-бы одинъ только разъ въ жизни посѣтилъ Петербургъ въ жаркіе лѣтніе дни, у того навсегда должна остаться въ памяти духота петербургскихъ улицъ. Поистинѣ несчастны тѣ люди, которымъ суждено пребывать въ этомъ каменномъ мѣшкѣ, какъ нѣкоторые справедливо называютъ Петербургъ, безвыѣздно и зиму, и лѣто. Увы, такихъ несчастныхъ много въ Петербургѣ. Рабочіе, ремесленники, швейцары, дворники, приказчики, да мало-ли еще маленькихъ людей, которые прикованы къ Петербургу и службой, и матеріальными недостатками. И прикованы такіе люди не только сами, но и вмѣстѣ со своими семьями. Кто бывалъ въ Петербургѣ лѣтомъ, тотъ не могъ не обратить вниманія на несчастныхъ петербургскихъ дѣтишекъ, благодаря необезпеченности своихъ родителей, лишенныхъ возможности покинуть на лѣто душную столицу. На человѣка впечатлительнаго видъ этихъ дѣтишекъ дѣйствуетъ очень нехорошо. Ихъ блѣдныя, болѣзненныя личики, тоненькія, искривленныя ножки и впалыя груди настойчиво заявляютъ о необходимости для нихъ свѣжаго воздуха деревни. А гдѣ взять такой воздухъ лѣтомъ въ Петербургѣ? Напрасно несчастныя дѣти ищутъ его на вонючихъ, переполненныхъ міазмами петербургскихъ дворахъ, такъ-же напрасно ищутъ его они даже и въ петербургскихъ скверахъ. Скверы въ Петербургѣ, во-первыхъ, немногочисленны; да и какой-же чистый воздухъ могутъ дать садики съ десяткомъ чахлыхъ деревьевъ? И растутъ дѣти петербургскихъ бѣдняковъ безъ воздуха. Оттого-то и смертность между ними въ послѣднее время была страшная. Наконецъ, все прогрессирующая смертность обратила на себя вниманіе отцовъ города. Къ чести гласныхъ петербургской городской думы нужно приписать и поставить имъ въ особенную заслугу, что они не только обратили вниманіе на дѣтей бѣдныхъ петербургскихъ обывателей, не имѣющихъ возможности отправлять свои семьи на лѣто въ деревню, но и рѣшили, насколько возможно, помочь несчастнымъ петербургскимъ дѣтямъ. Училищная комиссія городскихъ школъ въ Петербургѣ ежегодно предоставляетъ теперь учащимся въ городскихъ школахъ, нуждающимся лѣтомъ въ деревенскомъ воздухѣ, безплатное помѣщеніе и полный пансіонъ въ спеціально для этого устраиваемыхъ лѣтомъ дачныхъ колоніяхъ. При этомъ дѣти отправляются въ колоніи не по просьбамъ, «прошеніямъ», родителей, а только съ ихъ согласія. Училищная комиссія сама слѣдитъ при посредствѣ врача за тѣмъ, кому изъ дѣтей нуженъ лѣтній отдыхъ въ деревнѣ, и предлагаетъ устройство дѣтей въ колоніи тѣмъ изъ родителей, кто не можетъ на свои средства отправить семью на дачу. Мало того, дѣти, нуждающіяся не только въ простомъ отдыхѣ, но и въ леченіи, отправляются на счетъ города въ лечебныя санаторіи. Средствами комиссіи предоставлено не стѣсняться, и поэтому ея работы направлены лишь къ тому, чтобы всѣ нуждающіеся были удовлетворены. Изъ отчета городской училищной комиссіи города Петербурга видно, что въ теченіе прошлаго лѣта 1904 года лѣтній отдыхъ въ двухъ дѣтскихъ колоніяхъ былъ предоставленъ 774-мъ дѣтямъ обоего пола, причемъ содержаніе ихъ городу обошлось въ 20.551 руб. 28 к., т. е., по 24 руб. 07 к. на человѣка. Кромѣ того, при содѣйствіи Императорскаго русскаго общества охраненія народнаго здравія 80 дѣтей, нуждающихся въ особомъ леченіи, были помѣщены въ лѣтнія лечебныя заведенія и содержаніе ихъ обошлось городу въ 8.000 руб., а 23 лечились въ Георгіевской общинѣ и за нихъ уплачено городомъ 690 рублей.

Считаемъ не лишнимъ дать описаніе двухъ лѣтнихъ колоній, гдѣ лѣтомъ 1904 г. пользовались отдыхомъ петербургскія дѣти, а на стр. 591—594 этого номера журнала читатели найдутъ иллюстраціи жизни дѣтишекъ въ колоніяхъ.

Колоніи устроены въ 17-ти верстахъ отъ ст. Преображенской, по Варш. жел. дор., въ двухъ деревняхъ: Перечицахъ и Гобжицахъ. Эти деревни находятся другъ отъ друга на разстояніи двухъ съ половиною верстъ; отъ г. Луги въ 40 верстахъ. Мѣстность здоровая, гористая; здѣсь протекаетъ рѣка Оредежъ, притокъ Луги. Въ с. Перечицахъ 9 колоній: 3 маленькихъ на 25 человѣкъ дѣтей, съ одной завѣдывающей и одной прислугой каждая, и 6 большихъ колоній на 50-60 чел. каждая, съ завѣдывающей, помощницей завѣдывающей и двумя прислугами. Собственныхъ помѣщеній городъ не имѣетъ, поэтому подъ колоніи наняты обыкновенныя крестьянскія дачи. Въ Перечицахъ такія дачи довольно хорошо обстроены и дѣтскія спальни имѣютъ удобства и даже удовлетворяютъ требованіямъ гигіены. Свѣтлыя чистыя комнаты, новенькія желтыя желѣзныя кроватки, покрытыя узорчатыми одѣяльцами одинаковаго рисунка,—все придаетъ спальнямъ уютный и веселый видъ. Комнатъ для игръ дѣтей въ дождливую погоду нѣтъ; въ дурную погоду дѣти находятся въ сараѣ или на дворѣ подъ навѣсомъ; въ спальни днемъ никого не впускаютъ. Столовая (деревянная постройка, закрытая съ трехъ сторонъ; четвертая открыта для дневного свѣта) для всѣхъ колоній общая.

Дѣти встаютъ въ 7 час. утра, сами стелятъ кровати и убираютъ спальни. Въ 8 час. общая молитва. Потомъ идутъ пить молоко въ общую столовую; послѣ молока занимаются своими уроками, чинятъ свое бѣлье и шьютъ казенное бѣлье. Въ 12 час. —обѣдъ изъ двухъ блюдъ; въ 4 часа пьютъ опять молоко и въ 7 час. ужинаютъ; ужинъ изъ одного блюда—обыкновенно, каша манная, гречневая и друг. Въ 8 час. вечера общая молитва, затѣмъ дѣти умываются и ложатся спать. При хорошей погодѣ ежедневно ходятъ гулять въ лѣсъ и въ поле—прогулка въ 2—3 версты. Днемъ дѣтямъ дана полная свобода: играютъ, поютъ, водятъ хороводы, бѣгаютъ на своей полянкѣ. Все это расчитано въ интересахъ физическаго воспитанія. Черезъ двѣ недѣли дѣтей взвѣшиваютъ. Въ с. Перечицахъ въ общемъ дѣти прибавились въ вѣсѣ отъ 3—10 фунтовъ, въ среднемъ $4^1/_2$ фун.; въ 7-ой колоніи г-жи Бѣлой прибавились въ вѣсѣ на 10 фунтовъ дѣвочки: Маркова, Модельская и Абрамова; на этихъ дѣвочекъ пишущій эти строки при посѣщеніи колоніи обратилъ особенное вниманіе, такъ какъ платьица ихъ сзади не застегивались; это было наканунѣ ихъ переѣзда въ городъ; успѣха онѣ достигли полнаго на радость родителей, а также и завѣдывающихъ. Врачебная помощь въ колоніяхъ с. Перечицы поставлена очень хорошо. Два раза въ день докторъ принимаетъ отъ 50—80 чел. дѣтей; докторъ входитъ въ мельчайшія подробности жизни дѣтей, навѣщаетъ колоніи и заботится о нормальномъ образѣ жизни дѣтей. Подъ его вѣдѣніемъ находится лазаретъ; при лазаретѣ—его помощница-медичка. Въ с. Перечицахъ на рѣкѣ Оредежъ устроена купальня для дѣтей. Дѣти очень свыкаются съ жизнью колоніи и чувствуютъ себя очень хорошо. Осенью, когда пришлось возвращаться въ городъ, дѣти горячо прощались съ «завѣдывающими» и въ колоніяхъ, и на вокзалѣ, когда прибыли въ Петербургъ; дѣти сложили даже свою прощальную пѣсню.

С. Гобжицы находится, какъ уже сказано, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ с. Перечицы. Отъ ст. Преображенской почти до самой деревни Перечицы идетъ земское шоссе и дорога прекрасная; отъ Перечицы до с. Гобжицъ очень плохая, а вслѣдствіе дождей лѣтомъ 1904 г. она была невыносима; лошади шли шагомъ. За это небольшое разстояніе—$2^1/_2$ версты—извозчики на таратайкахъ брали по 75 коп., а въ парныхъ тарантасахъ—$1^1/_2$ рубля. Деревня Гобжицы и помѣщенія для дѣтскихъ колоній во многихъ отношеніяхъ также рѣзко отличаются отъ Перечицъ. Постройки плохія, съ низкими потолками, помѣщенія тѣсныя и не особенно опрятныя; только одна постройка, гдѣ помѣщается лазаретъ и при немъ одна большая колонія, пред-

ставляетъ хорошо устроенный кирпичный домъ, остальныя постройки для колоніи—простыя деревенскія избы. Столовая, общая для всѣхъ колоній, представляетъ навѣсъ, открытый съ трехъ сторонъ. Въ прошлое дождливое лѣто особенно сказалось неудобство общей столовой; во-первыхъ, ходить въ столовую дѣтямъ приходилось 4 раза въ день по невылазной грязи; нѣкоторымъ колоніямъ, живущимъ сравнительно далеко, это путешествіе туда и обратно, т. е., восемь концовъ, представлялось очень труднымъ. Только въ прошломъ году явилась попытка въ с. Гобжицахъ устроить общую столовую; прежняя администрація, принимая во вниманіе мѣстныя условія, рѣзко отличающіяся отъ с. Перечицы, придавала семейный характеръ колоніямъ. Каждая колонія готовила обѣдъ своимъ дѣтямъ на мѣстѣ, обѣдъ былъ лучше; каждая завѣдывающая изъ городскихъ учительницъ и помощницъ ихъ изъ разныхъ высшихъ курсовъ заботились, чтобы пища и уходъ были въ интересахъ поправленія дѣтей и увеличивали ихъ вѣсъ, что составляетъ гордость каждой колоніи.

Санитарный надзоръ въ Гобжицахъ порученъ доктору, который въ дер. Перечицахъ имѣетъ собственную такъ называемую врачебную колонію, куда отправляются дѣти настолько больныя или слабыя, что общество дѣтей здоровыхъ для нихъ тягостно. Три раза въ недѣлю докторъ пріѣзжаетъ въ с. Гобжицы для осмотра мѣстнаго лазарета, которымъ завѣдуетъ фельдшерица, а также для надзора за столовой, устроенной по его иниціативѣ.

Столовая находится подъ управленіемъ особыхъ завѣдывающихъ, которыя даютъ отчетъ центральной колоніи. Центральная колонія вѣдаетъ общимъ хозяйствомъ, т. е., выдачею постельнаго и носильнаго бѣлья и платья для недостаточныхъ дѣтей, распредѣляетъ хозяйственные предметы, необходимые въ домашнемъ обиходѣ: мыло, соду, свѣчи и т. под.; выдаетъ жалованье служащимъ. Завѣдывающія получаютъ 25 руб. жалованья и 15 р. на столъ, помощницы получаютъ 15 руб. жалованья и 15 руб. на столъ; помощница назначается въ колонію, гдѣ болѣе 50-ти дѣтей. На расходы по поддержкѣ чистоты, т. е., на наемъ прачки и на устройство бани завѣдывающая получаетъ 6 р. 40 к. въ мѣсяцъ; изъ этой-же суммы она должна расходовать и на мытье половъ, что весьма затруднительно бываетъ въ грязное лѣто: послѣ 4-хъ прогулокъ ежедневно по грязи въ общую столовую и обратно, дѣти приносятъ съ собой на ногахъ массу грязи. Рекреаціонной-же комнаты въ гобжицкихъ колоніяхъ нѣтъ,—приходилось впускать дѣтей въ спальню, жертвуя чистотою пола и постелей, столь необходимою тамъ, гдѣ помѣщается такое количество дѣтей. Очевидно, что пока для колоній не будутъ приспособлены дачи съ расчетомъ на одну рекреаціонную комнату или сарай, дѣти будутъ въ дождливую пору простуживаться, гноить обувь, имѣющуюся въ ограниченномъ для колоній количествѣ, и помѣщеніе будетъ загрязнено.

Предъ отъѣздомъ колоній въ Петербургъ—11—12-го августа—укладка въ полномъ разгарѣ.

Уѣзжая, каждая завѣдывающая колоніей обязана сдать весь инвентарь вычищеннымъ, аккуратно уложеннымъ въ особые сундуки. Все казенное бѣлье должно быть перестирано, одѣяла провѣтрены и пересыпаны нафталиномъ и проч. Нужно замѣтить, что въ с. Гобжицахъ прачечныхъ не существуетъ: прачки стираютъ на открытомъ воздухѣ, на берегу рѣчки; если день, назначенный для стирки, окажется дождливымъ, то стирка откладывается на неопредѣленное время, нынѣшнее-же лѣто было особенно дождливымъ. Если грязное бѣлье лежитъ сухимъ, то это еще полгоря; настоящее горе для колоній, когда выстирать бѣлье удастся, а высушить его нѣтъ никакой возможности. День отъѣзда близокъ, идутъ дожди, мокрое бѣлье укладывать нельзя; въ такихъ случаяхъ завѣдывающія барышни нервничаютъ и клянутъ свою судьбу и начальство, которое не догадается устроить навѣсъ для сушки бѣлья.

Въ лѣтнихъ колоніяхъ с. Гобжицы завѣдывающими и помощницами ихъ служитъ большею частью учащаяся молодежь: медички, педагогички, съ высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ Гобжицахъ царство молодежи. Несмотря на всѣ неудобства и неустройство еще какъ слѣдуетъ колоніальной жизни дѣтей—здѣсь и веселѣе, и мѣстность лучше и красивѣе. Въ Перечицахъ дѣтей не видишь; колоніи раскиданы другъ отъ друга на большое разстояніе; завѣдывающія большею частью уже много послужившія городскія учительницы, и если тамъ больше порядка, то въ Гобжицахъ больше искренняго веселья; завѣдывающія—молодежь, готовая всегда устроить для дѣтей игры, прогулки, попѣть, поплясать и побѣгать съ ребятишками; устраивали и немудреные спектакли, живыя картины и т. п. Погода прошлаго лѣта, какъ извѣстно, очень мѣшала этимъ невиннымъ удовольствіямъ, но все-таки умудрились устроить очень миленькій спектакль въ гумнѣ въ с. Гобжицахъ и живыя картины въ сараѣ колоніи № 7-й въ с. Перечицахъ,—дѣти были очень счастливы и благодарили своихъ завѣдывающихъ барышень, которыхъ они называютъ «тетями». На живыхъ картинахъ, въ сараѣ, дѣтская публика размѣщалась сама: первый рядъ сидѣлъ на полу, 2-ой рядъ стоялъ на колѣнахъ, а 3-й рядъ стоялъ; всѣ были рады такому размѣщенію. Несмотря на нѣкоторыя неустройства дѣтской колоніальной жизни въ с. Гобжицахъ, нельзя не отдать справедливости доброму дѣлу и нельзя не пожелать ему полнаго устройства и процвѣтанія.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Непріятное приключеніе. (Къ рис. на стр. 577.) За секунду до этого «непріятнаго приключенія» никто изъ участниковъ поѣздки и не помышлялъ о томъ, что оно такъ близко: такое веселье царило въ коляскѣ. Да и какъ было не радоваться, не веселиться? Во-первыхъ, только что наступилъ веселый май; во-вторыхъ, въ поѣздкѣ принимала участіе только молодежь и, въ третьихъ, ѣхали изъ душнаго города на лоно природы, въ имѣніе на цѣлое лѣто. Впереди грезились лѣтнія удовольствія, прогулки «при звѣздахъ и при лунѣ» вдвоемъ по старому парку, гдѣ, кажется, даже и вѣковыя липы нашептываютъ только о любви и развлеченіяхъ. Но, недаромъ-же старые люди иногда предупреждаютъ молодежь: «смотрите, расшалились не предъ добромъ!». Здѣсь сказать это предупрежденіе веселымъ путешественникамъ и путешественницамъ было некому, но, оказывается, веселились они тоже не предъ добромъ. Въ самомъ разгарѣ ихъ веселья вдругъ подъ ними что-то хрустнуло и экипажъ, въ которомъ они сидѣли, сразу накренился на бокъ и сталъ: это, попавъ въ ухабъ на дорогѣ, сломалось колесо. Можно вообразить, какое вдругъ смятеніе поднялось среди веселой за секунду предъ тѣмъ молодежи, въ особенности среди прекраснаго пола! Веселью наступилъ конецъ, такъ какъ непріятное приключеніе вызвало тревожный вопросъ: «какъ-же докончить путешествіе?».

На лодкѣ. (Къ рис. на стр. 583.) Пришелъ красавецъ май, расцвѣтилъ поля, разукрасилъ зеленью деревья, заставилъ красное солнышко цѣлый день весело свѣтить съ неба, грѣть озябшую за зиму землю, цѣлый день глядѣться въ зеркальную поверхность прудовъ и рѣчекъ, серебромъ и золотомъ украшать ихъ легкую зыбь. А людей красавецъ май позвалъ изъ городовъ любоваться своей работой, наслаждаться природой, забыть тяжелую, трудную зиму. Хорошо въ маѣ въ деревнѣ, на дачѣ, въ лѣсу, въ полѣ! А удовольствіе прогулокъ «на лодкѣ» по извилистой рѣчкѣ или по озеру, усѣянному кудрявыми островками! Рѣдкій найдется, кто не испыталъ этого удовольствія на себѣ и у кого не пробудится пріятныхъ воспоминаній при взглядѣ на помѣщенный на этихъ страницахъ предлагаемый снимокъ съ картины художника Энфильда.

На пастбищѣ. (Къ рис. на стр. 585.) Сколько прекраснаго въ природѣ! Не всякому, къ сожалѣнію, дано сразу замѣчать это прекрасное. Многіе, напримѣръ, равнодушно пройдутъ или проѣдутъ мимо удивительно красивой панорамы представившихся имъ въ натурѣ луговъ и лѣсовъ, но залюбуются потомъ, если имъ это, мимо чего они проѣзжали, покажутъ на картинѣ. Это значитъ, что чувство прекраснаго живетъ въ каждомъ, но недостаточно развито у нѣкоторыхъ. Для того, чтобы отмѣчать, показывать красоты природы, и возникло художество. Теперь у искусства живописи явился довольно опасный соперникъ—фотографія. Нашъ рисунокъ «На пастбищѣ»—снимокъ не съ картины, а съ фотографіи. Фотографія, какъ извѣстно, передаетъ природу безъ прикрасъ, такою, какъ она есть, но посмотрите, развѣ природа на фотографіи не такъ же прекрасна, какъ и на картинѣ самаго знаменитаго художника? Техника фотографіи въ послѣднее время такъ далеко подвинулась впередъ, что, можетъ быть, уже очень недалеко то время, когда на фотографическихъ отпечаткахъ мы будемъ получать все, что есть въ природѣ, въ натуральныхъ цвѣтахъ. На фотографическихъ пластинкахъ это получается уже и теперь, но объ этомъ наши читатели прочтутъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего приложенія къ журналу—«Знаніе и Польза».

На великій подвигъ. (Къ рис. на стр. 601.) На святой, великій подвигъ любви къ страждущимъ благословляетъ мать свою молодую дочь. Не веселье молодости, не сладость физической любви ожидаютъ впереди эту юную дѣвушку, а тяжелый трудъ и подвиги милосердія—высшая любовь жизни, на которую способна только женщина и за которую предъ женщиной преклоняется міръ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А. Каспари. РЕДАКТОРЪ Ник. А. Каспари.

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих

отъ

ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада Рич. Пето. СПБ. Караван. ул. 16 кв. 9.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!!

Туалетные часы съ зеркаломъ и музыкой.

Вы доставите много удовольствія себѣ, семейству и гостямъ, пріобрѣвъ самоиграющіе туалетные часы съ хорошей музыкой „Симфонія“, играющей очень громко и долго разныя красивыя и веселыя пьесы (вальсы, марши, польки, оперы, народн. пѣсни, какъ-то: „Боже, Царя Храни“, „Преображенскій маршъ“, вальсы: „Ожиданіе“, „Невозвратное время“, „За Дунай“, „Коль Славенъ“, „Камаринскую“, „Трепакъ“, „Возлѣ рѣчки“, „Евгеній Онѣгинъ“ и т. д.), со шлифованнымъ зеркаломъ парижск. выдѣлки, въ изящномъ полированномъ заграничномъ корпусѣ. Часы эти, кромѣ того, отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ и служатъ изящнымъ украшеніемъ для письменнаго и туалетнаго стола. Высылаемъ часы вырегулированные до минуты, съ ручательствомъ за вѣрность хода и за непортящ. музыку на 6 лѣтъ, за налож. плат. безъ задатка. Цѣна вмѣсто 20 руб. только 6 руб. 75 коп. и 7 руб. 65 коп. Адресовать: Складъ часовъ Т-ва „УНИВЕРСАЛЪ“, Варшава, 18.

P. S. Для распространенія нашихъ часовъ прилагаемъ безплатно: 1) изящное кольцо съ фр. брил. или сапфиромъ, бирюзой, изумрудомъ, по выбору заказчика и 2) 1 металлич. календарь на 28 лѣтъ, показывающій: день, мѣсяцъ, число и годъ. Въ Азіат. Россію высыл. исключ. по полученіи 2 руб. задатка. 278

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.

2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р.	13 р.	15 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

СТАЛЬНЫЕ голоса

16 р.	20 р.	24 р.
8 бас.	10 бас.	12 бас.

и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА 11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.

СТАЛЬНЫЕ голоса 17, 20, 23, и 28 руб.

ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб.

Стальные голоса 30 руб.

САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ 2 р. 50 к., 3, 4, 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА мѣдныя планки 5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.

СТАЛЬНЫЕ голоса мѣдныя планки 10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,

МОСКВА, СРѢТЕНКА.

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ

самое дѣйствительное, укрѣпляющее нервы и силы средство для взрослыхъ и дѣтей.

БЛЕСТЯЩІЕ ОТЗЫВЫ

врачей объ успѣхахъ примѣненія его при малокровіи, нервныхъ болѣзняхъ, разстройствахъ питанія дѣтей. Имѣется въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Литературу о Санатогенѣ высылаетъ безплатно К. И. Креслингъ, С.-Петербургъ, Б. Конюшенная 29.

Parfumerie AZUREA L.T. PIVER — PARIS

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна: коробка 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ, косметическое средство для улучшенія красоты кожи. Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.

Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ поставщикъ бельгійскихъ импер. театровъ. Главный складъ для всей Россіи: СПБ. ТЕХНО-Химическ. Лабораторія, С.-Петербургъ, Лиговская 128. 774

НЕСТЛЕ

Въ Россіи исключительно въ запаянныхъ жестянкахъ

Въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Дѣтская молочная мука

Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

!! ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ !!

Прелестные и прочные стѣнные часы „Регуляторъ“ новѣйшаго фасона, съ отличною самоиграющею каждый часъ громкою и весьма пріятною для слуха музыкой самыхъ знаменитыхъ композитор. (по желанію: вальсы, польки, марши, театральн. оперы и т. п.), въ элегантномъ корпусѣ, заграничной работы. Цѣна вмѣсто 50 руб. только 15 руб. Часы безъ музыки, съ трехнедѣльнымъ ходомъ и башеннымъ боемъ, бьющіе половины и цѣлые часы—цѣна 14 р. Корпусъ часовъ длиною около 1½ арш. и шириною около ½ арш. и полированъ въ темно-орѣховый цвѣтъ. Ручательство за непортящ. музыку и вѣрн. хода на 6 лѣтъ. Упаковка самая тщательн. и безплат. Высылаемъ вывѣрен. часы до минуты, немедл. по полученіи 5 р. задатка. Задатокъ можно прислать марками по адресу: Варшавскій Базаръ, Т-во „ЛЮБОВЬ“, Варшава, Гржибовская.

P. S. При полученіи полной стоимости впередъ прилаг. безплат. для распространенія нашей фирмы стол. часы съ будильникомъ и со свѣтящимся циферблатомъ „Молнія“. 280

Д-ра Шиндлеръ-Барнай „Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка 60 пилюль

въ коробкахъ краснаго цвѣта, съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

Волосы,

уходъ за ними, болѣзни ихъ и леченіе съ помощью Элеопата Пров. Кинунена. Популярная брошюра д-ра медицины Ю. Э. Фридлендера. Высылается желающимъ безплатно изъ главнаго склада Элеопата Пров. Кинунена: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13. 206

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ „ОДОБРИНЪ“ тольно Михаила ЛЕБЕДЕВА 188 съ надписью (этикетъ утвержденъ правительствомъ).

Это средство уничтожаетъ совершенно въ нѣсколько

дней застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Иногородн. высылается съ пер., 2 кор. — 1 р. 20 к., 4 кор.—1 р. 90 к., 6 кор.—2 р. 60 к. Глав. скл.: С.-Пбургъ, Гороховая, 52. Мих. Лебедевъ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

для домашнихъ библіотекъ по особо

УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ

имѣется въ книгоиздательствѣ А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

КУМЫСЪ-ЭКСПОРТЪ.

не портится. Высылается круглый годъ ящиками (100 бут.)—80 руб. и ½ ящ. — 16 р., включая провозную плату по жел. дор. большой скоростью. Требованіе кумыса и безплатной брошюры „Кумысъ и его приготовленіе“ (иллюстрированная—1 р.) обращать: Смышляевка Самарской губ., Б. Н. Постникову. 323

Сканировал редуктор rutracker.org